

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

23 1962

СМЕНА

ГОЛУБЫЕ ОГНИ ОЗАРЯЮТ ПУСТЫНЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

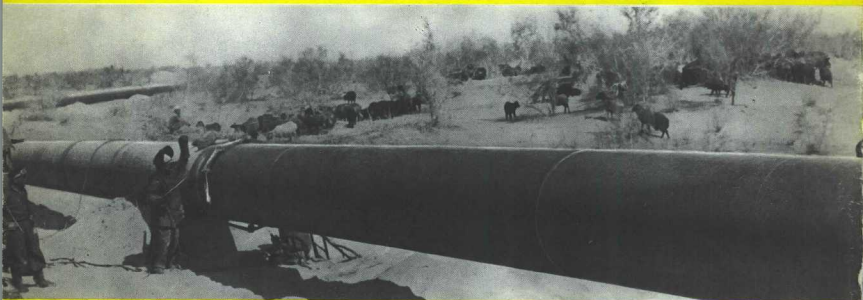
Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

23 ДЕКАБРЬ
1962

Т. ИЛАТОВСКАЯ
Фото автора.

*Вот они, Толя и Алексей Гнедь, вот
они, «10» и «50».* →

Газопровод шагает по пустыне.

ТРИ БРАТСКА

После бешеной гонки по знойным дорогам приятно оказаться в чистой гостинице, попить зеленого чая и залечь с книжкой. Ботинки под кроватью источают из рифленых подошв песок. Блокнот наливает песчаные струйки. Песок в карманах и даже в колпачке авторучки.

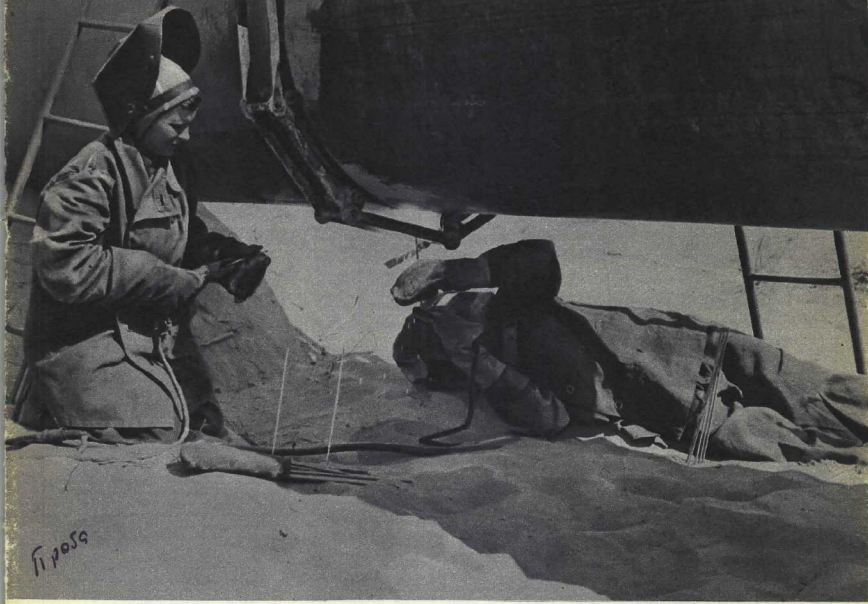
Весь вечер гостиничные постояльцы хлопают дверями, таскают чайники и плещутся под жестяным умывальником во дворе, обсуждают минушую день.

— Через Аму перетянули одну нить...

— Вот дело было на сто пятом! Вижу, давление в трубе падает. Весь испотел: мать честная, ведь утечка! А уж там газовый фронт до неба... Вот дело было...

— Голуба моя, где ж твою колонну черти носили! Я уж вертолет послал — вас искать...

— Это пустыня! Вы лопинаете, пустыни! А на лавочке, прямо под окнами, — московское начальство. Пожилое, заслуженное. Зной, ухабистые дороги, раскаленные самолеты — ох, как это навалило в их годы, попросту говоря, мучительно. Обмахивают газетами мамино-

Проезд

вые лица, уградкой сосут рафинад с валидолом.

— Над трассой лател — в трех местах голоньяная труба. Глубже надо засыпать — ветра сумасшедшие...

На улицах орут порожене трубовазов. В столовой говорят о стейках, карденных залах, электродат. На стрелчатых указателях надписи: «Проезд только для газоваиков». От ошалеющих машин шарахаются управные ишники — того и гляди задавят.

Страна работает на величайшей газопровод Бухара—Урал. Ковши экскаваторов вычерпывают из песка хрупкие обломки хоразмской истории, и, пока их читают археологи, на место древнего станочника ложится могучая труба конструкции «модерна». Осуществляется газификация страны. Энергиею трех брацков понесет в себе газопровод-колосс. И уже встав в график перспективных планов чистое сиреневое пламя стальной, чугуной, лесом.

Человек создает на земле «иоусферу» — царство разума. И здесь все — даже пустыня — подчиняется человеческим законам.

У трубы можно учиться чувству бесконечности. Кажется, ей нет конца. Это от жары. От нее и красные крути в глазах, красные и фиолетовые, как в электродате.

Но конец все-таки есть, и около него, как в устье реки, стоит долгожданный герой — могучий сварщик в своих марсианских доспехах. Стоит и решает задумку: может ли человек, идя по марсианским пескам, увидеть конец трубопровода, если тот уползает от него со скоростью полтора-два километра за смену!

Ас-потолочник — бог трассовиков. От виртуозной точности его руки зависит судьба газопровода. Малейшая трещинка — и взрыв, ге-

зовый фонтан, отравления, катастрофа. А попробуйте отыскать эту трещину где-нибудь в Кызылкумах, под трехметровым слоем песка!

Потолочников уважают, их ценят, к ним взлет приезде начальство. На словных боках трубы горят из щегольватых огненных росписи. «Здесь работан я и за свою работу отвечаю головою» — что-то вроде этого видится за цифровой-клетимом.

Особенно выделяются две цифры: «10» и «50». Они попадаются чаще других, всегда вместе. Начальник строительного управления настойчиво интересовался: «Вы не видели наших «десять» и «пятьдесят»? Ну как же! Нет, нет, все на месте узяете...»

Но попробуйте добраться до места! «Газники трудятся уже второй час.

По сторонам дороги барханы, ребристые, как отощавший верблюд. Разматчатские саксаулы. Но их очень мало: здесь незакареленные пески. Это отлично чувствуется, когда порыв ветра, сдвигнув с земли весь верхний слой, швыряет его вверх и выкручивает там всевозможные спирали, воронки. Они мчутся, трохаются друг о друга и, естественно, не шадят ничего живого.

Одолевает зной — все становится безразличным. И только нашему водителю, шумному, коркому ташкентцу, кажется, что вокруг все время происходит удивительные вещи. Он высовывается из машины, громко смеется и роняет восклицания:

— Ишь, старается, толстопятье!

Это бульдозеры, ланцетиче перегретый металлом, с легком опрокидывают в траншею целые барханы песка и косялопо утапливают образовавшийся холмик. Труба прятается в трубу пустыни.

— Вот это красотища! — Он совсем забывает про руль, багаж, вокруг пустыни.

Изданн кажется, что механизированный от-

ряд выступает на какое-то ответственное и секретное задание. Вблизи все проще. Мощные трубоукладчики держат трубу в железных горстах. Она висит, таккая и покорная, как уснувший питон. По трубе скользит что-то ершистое и ворчаливое. Это омыстная машина. Металлические щетки добиваются зеркального блеска. А машина-мониторщице ловко пеленает трубу белой лентой и поливает горячим битумом.

— Эй, торопитесь! — кричит шофер. — Потолочники вон куда ушгали! Верно, Тоня, газворю!

Хрупкая молодая женщина, сидящая на переднем сиденье, покорно кивает. У женщины покатые девичьи плечи и маленькие опаленные руки.

— А я своих девчонок соседке подкинула, — тихо говорит она. — С садиком-то пока беда. С утра нынче трубы не было, так я вот напелала... Утощайтесь!

Пирожки были жестковатые, но вкусные.

— Ну, как!

Она оборнулася. У нее было приятное лицо, неваркое, притруженное ранним морщинами. Что-то очень уютное было в этих глазах за колкими ресницами и в белой скупой улыбке.

— У-у-у! — одобрително промччал шофер.

Женщина сунула в его ладонь еще пирожок: «Ешь, ешь! Я и сама соскучилась по печеному, да все времени не было. А тут трубу не подвели!»

Она придерживала коленями термос и еще каюю-то кошельку. Наверное, на трассу везла, мужу. В серых ее глазах, в глубине, тлел синий огонек. Брось ей на плечи синюю кофилку — и закрутятся глаза синие и ярко.

Конец трубы появился неожиданно, за гребнем притамшевог бархана. Здесь пока кончалась «иоусфера», и дальше шла обыкновен-

ная пустыня, в которой ползает змея, сердце сплет вербы и любопытничает шестерки. Одинной трубузкладки приставал в трубе новый отрезок.

И вот наконец поточлинок. Легли под стык на песок. И заучено, жесткая планка сделало плоским, нереальным все вокруг. Сиревым холодным светом дуга затмевала дель. Электроды поднимались все выше. Сварщик добродушно поглядывал набок.

Их труд был прост и мужествен, как работа по камню. Поворотный руко, тонулся огненный шов, он был шелковистый и чистый, так что затопило его потогорло. Он родился плавно и неосторожно, подобно гармоничной музыкальной теме, наполнял расклеванную сущностью края фанки, взмывало все выше и выше, креп в лоточном крученном шве, наливало силой и наконец достигал впадо в зеркальной искости последнего, завершающего розсчерка.

Потом целый вечер будут болеть глаза, но всешая увлеченность этих людей гипнотизирует, не дает оторвать глаз от прорезительно-пламени дуги.

Сварщики отошли и отключили масок. Слышно было, как они дышат —жидно, тяжело, точно пьют, флюжуют, жуют воздух.

Шов был почти неправдоподобно красив даже на взгляд неспециалиста. Потом тот сварщик что был выше ростом и коренастее, пошел, усмехаясь.

— Интересуетесь? Непохож шов,— сказал он без всякой иронии.— Поточлинок такие глаза нужны, как у стрелочки. Вперед смотрит, чтоб не соскочил. Назад, чтоб соевой не было —подает металл то есть... И под электрод, чтобы шлангу не оставались... Как зовут! Алексей Гнедь, не слышали?

Он бросил на лицо маску и начертал у него только стык: «10 и 20».

Плывущий — это мое клеймо.— Он вытер морщю лицо огромной рукавицей.—Идемте компот пить —жена в термосе привезла.

— А вот и «двастка», жена моя Тоня...

За сварочной машиной сидела молчя погучица в запяченной брезентовой робе, только у шва чуть видныя шелковистые прорезнички горючки. Ее трудно было узнать — не только потому, что роба и маска делали ее большой,—это был совсем другой человек. Озорной блестящий прибор, горячий рыжачек на скулае.

— Ведь вы и не подумали давеча, что баба, а?—засмеялся Алексей.—Ведь не поверили бы, когда в маске! Вот и все так... Куда, говорят, такой пахает.—Он вынул язык из створки подполстельки, молжаченные ваточки, принесенные, видно, Тоней, и налил компот.

Тоня озорно посмеялась, будто речь шла не о ней. На ладони у нее блестела жемчужная ящерица.

— Эй, глядите, как дышит, черткая! Ну, бери, бери же!

Ящерица исчала, едва коснувшись песка. Только две крохотные зеленые бисерники свидетельствовали, что она здесь —закончалась.

— И что они там валадюются? Тоня вскакала и, размахивая руками, поблакала по трубе и трубузкладку. Посмотрись! —малышница мальчишкой.

— Вы не глядите, что у нее ручки мажущие,—сказал Алексей.—Тоньше как лужинку поточлиночку последний стык довершил заваль. Это когда нахвосту шла от Алуи и Бузары. А награда мне досталась —калет. Ну, куда ей мужской халат? Отдали мне. Теперь я вроде как шах...

Потом мы сидели на чай-то куртке, ожидая, когда подадут трубу. —Все ездили,—говорила Тоня.—Тамбовская трасса —Ташкент —Чимкент. Бузара —Ташкент. Как вышла за него, так и езжу...

Волшебные черты сплелись, и уже снова проглядывала в ней обычная женщина, которая не прочь поманить о собственном домике, поглядеть, покормиться на кухне.

Но это —пока не всплещет синий огонь дуги. Синий огонь... В общем, он, наверное, есть в каждом.

ЧЕРТОВ ПЕКЛО

— Чертов пекло!

Голос мягко отпугнул от стекла и вернул к себе Виктор. Тот был хрипелый и чужой. Стало не по себе. Темнота вокруг кабины сделалась густой и ошущивой. Вот что делает с человеком Усть-Урт! Превращает в неврастеничного водителя первого класса. Сзади бить Слава к нему перескочил. Виктор задался от напирания: зачем, мол, тащить лишнего человека? А сам тогда уже думал: «Наждак колесина по десять, двадцать, сорок машин. Ну, давай наберешься дубельт! Надо как-то приспособиваться. Его не уговаривали: звали хватку этого парня. Когда шоферы зенали спор кто за что бы вылез, Виктора не спрашивали, кто бы взялся». И расклеванный прощял бы «ЗИЛ» по двум бревешкам на простыню.

Весь прошлый день Виктор заматывал физиономию морской тряпкой,—гине задолбался или сватился силков. Песок, изъезд и еще какая-то гадость —значит, так ли. Будто едешь сквозь сплошное пожарище —дым и огонь. «Нутро зевельюса»,—определял свое состояние Виктор.

Колесина приподносило здорово растягивало себя немого оседала пыль. И хоть бы колесики или какие-нибудь деревца, чтоб не хланила глаз, Нет, без конца планка кеменика с лыжиами солончак. И расклеванный прощял с небом —с живого кожу дерет. Пот жалыв глаза, и руки становились ватными. От тряпки заведло прицеп. В другое время двадцать минут работы. А здесь все ладони в лоскуты...

— Чертов пекло! —повторял Виктор.

Вечером, правда, полгачло —зной шляла. В редких кустиках защеверкала какающая живанность. Вдали, у самого горлышка, твела заветная черта, угля и горячка. Когда сприва, у Арала, из-за чинков выплывет такая же полосо, до места останется двенадцать часов. А глаза рвется ножом... Вот если бы Слава поехал... Он за что не отдаст ему рубль, нет, нет, пусть просто поспидит. Неужели им не о чем говорить!..

— Славик твои — и айда спать! — вслух подумал Виктор.

Он стал уже признавать к алемному своему голосу. Оглянулся на темный ворончик цинка. «Виги! Виги!» —повизгивали трубу. Издали трубузос, как новейшее оружие,—три огромных жерла. Виги! Виги! Триста сорок километров от Кунграда и ровно столько же обратно. Трое суток хорошей езды. Хотя хорошего, конечно, мало. Виктор вспомнил лица шоферов, отправлявшихся на Усть-Урт. Они были изъезданы.

Темнота пробралась в окошко, любознательная обнюхала угля. На этот раз он откинулся от напирания не потому, что оказался в себя,—просто так надо. Он хотел, чтобы ребята поняли его.

Когда-то он искал одиночества. Верил только себе, связки своего мускулам, своим руками, своей любознательной башиби. Маленький ударил на дому... Теплое море у Новороссийска, терье причалы Туапсе, запах уюда и бочки, музыка в ярких окнах Дома моряков. Потом чужая парусная лодка, сбивный замок у причала и пустая шель. Как он немиледет тогда дунную дорожку! Море чмокало лодку в нос. Не рейде, курьсь огиалям, дремал огромнейший «иностралец». На трубе латинского «эм» перевернутого бей чертой. В тани этого красавца он шлея в открытом море... А потом всю жизнь можно закрыть одной рукой.—маленькая жизнь. Он хотел бы один, он был жесток. И оказался одним,—против себя. Потом он бежал из места заключения. Лето, тайга —и он один, совсем один! Виктор вернулся обратно. И с тех пор боялся —вдур не поверят, отупятся и навсегда оставят одного... На трубу и ружье слоняный валтос его судыбы: Тунгова, Пинамруея, Лягушка.

Виктор нарочно в майке явился знакомиться с мальчишкой первой автоколони.

Шуточки сыпались со всех сторон: — Филан Третьюшкин галерию... — Детям до двадцати пяти лет смотреть не разрешается... — Вот это кореш! — Слава Миронин вышел из кладовой гаража, неторопливо вытер руку ветошкой, поправил соломенную шляпу, нахвосту на глаза. — Замкит, Виктором зовут? — Это на руке бланной каллиграф нацарапал паспортиные данные.

Ну, показывая, что можешь... Виктор, сола, полза в кабину. Руки здорово дрожали, но мог он все. Шоферы побросали машины и стояли с разинутыми глазами, молча смотрели, как выписывал он восьмимери на утпотоном платяне.

— Вон он как ва... — Ладно, пародок! — сказал Слава и протянул ему сигарету.

Виктор отказывался: боялся, что заметят, как дрожат руки.

После этого он никогда не был один. Вот только здесь, на Усть-Урте... Нет, это от жары. Чепуха! Ведь один —это когда ты никому не нужен...

Вот если б Слава поехал, не сменить его, нет, просто они никогда не говорили по душам...

Виктор «КРАЗ» Шарфутдинова, позад «ЗИЛ» Володыки Костюкова. «У нас на Тамбовщине и не надо слушаться»,—говорит в трудных случаях Володыка. «У нас на Чуколке тоже...»—про себя усмехается Виктор.

В свете фар плато яростно кипело под колесами. Эй, заступите бы на помучу! В рекордный же рейс идут... Земля заврала под колесами. Нет, стой, трактор, машину погубишь!

Розовая испарина поднялась над завалей, выбралась из-за крутых чинков. Начинется вальс, будет еще целый день. Предметы лезут прямо в эрочки и царапаются там, как песок.

Передняя машина остановилась. Плеск, поредель в фарных огнях. Из утрянки сумарек подшоха Слава, передернул затейшими плечами.

— Ну, как! Вскрапнем часок —потом дорешим. В глазах —туман... Он захляпался, прохрипел, плююся.—Песок обрешало...

— А время как! — Терпите... Здорово прошли...

От красной полоски уже тнуло теплом. Виктор порхал в карманах, отыскивая сигареты.

— Вот история, и эти с песком...

Он выпрыгнул из машины. Ноги невольно подпрыгнули: одеревенели суставы. Ничего, тем, кто пойдёт после них, будет полезно: домиков всяких понастроит, столбов...

— На Тамбовщине такой темноты так бывает — сказал, подхожая, Володя и потонул, крутнув всеми суставами... Чуть носом падали не достал...

Водители постепенно стигались в кружок. Ишь, как всех подсушило за день. А на лицах словно павлом писать — глаз на-за пали не видно... Огоньки сигарет уютно светились в сумраке. Виктор пошел и выключил фары.

— Через полсотки отружился — сказал Слава Миронин. — Грудный улачком это плато. Прямо скажу: такого еще не встречал... Дя Виктор, потом я к тебе сяду, ледно!

— Ну вот еще, ты лучше к Володке сядь...

Виктору не хотелось лезть в кабину, ему хотелось еще немножко поседеть вот так, чмуствуя теплом плеча друга...

ВСТРЕЧНЫМ ВЕТЕР

Заснуть было трудно: вагончик все прокапался за день. И потом под подушкой все время что-то колыхалось. Что, если змея или скорпион! Уж лучше бы скорпион...

Утром инструктор Хорезмского обкома комсомола Володя Золотухин возил меня к своему квартирному кадру — Юре Филоненко на сплавках. Сплавки — место, где из отдельных труб свариваются динные плети, которые потом отвозят поточниками. Грохот

металла, треск сварочных аппаратов и все те же ростые солнца и песок. Юра Филоненко — мастер сварщиков, молодой специалист. У него довольно длинные волосы и узкие модные бровки. Над ним не подучивают, его считают красивым. Юра отлично знает дело и умеет уважать людей. Два года назад он окончил Ростовский машиностроительный институт и стал работать над интересным исследованием по сварке. Стал работать... и неудержимо потонуло его туда, где действительно варят металл... под солнцем, среди ветра... Он бросил исследовательский институт и приехал сюда, на газопровод.

...В маленьком оконце пронзительно сияло небо, все в звездных вспышках. В соседнем вагончике, где жили ученики сварщиков, совсем мальчишью, слышались шаги, позвякивание кружок о вадро. Потом открылась дверь, скрипнули ступеньки.

— Ветерком потянуло...

— Сейчас бы парус поставить — и по Дону, рыбку ловить! Тебя, небось, не пустили из дому!

— Конечно...

— Ишь, ветер... Я люблю ветер, только встречный. Ух, и намучаешься, было, с парусом...

Любитель встречного ветра закинулся — видно, закурил. Ребята побобтали о том, о сем и отправились спать.

Вские люди бывают на свете. Одних тянет копаться в книгах, ноци проскижывать над теоремой, другие просто часто делают свое дело, живут весело и обычно, а третьих бросает с места на место, беспокойно и жадно ищут они какого-то особого, захватывающего смысла в жизни. С этими порой бывает хлопотно, зачастую не успевают они в чем-то выложиться до конца. Но на больших стройках трудно было бы без таких людей. Ведь они первыми являются на зов и смело выходят навстречу ветру...

Газопровод Вухара — Урал.

Виктор БОКОВ

РАБОТА

Сначала синны темнеют от пота, Потом они белеют от соли, Потом они тнуют от боли, И все это вместе зовется — работа! Мне скажут, что время бурчаще

изнуло, Что синны эпоха моя разучила, Меня обявят, что я век наш ракетный! Хочу поменять на старинный,

карьерный. А я не согласен! Любой академик Работник — рабочий. И это — спасенье, Когда он рубанок берет в воскресенье, И дески строгает, и гвозди забивает, И всю математику курту забывает. Как сладко потом академик синны, Какал счастливая боль в пояснице!

ВЫИДУ В ПОЛЕ

Выйду в чисто поле, погляжу На поля, на реки, Пусть увидит все, как в бровку, Солнечный, счастливым, Рутками пахучий колосок, Зернышки провою. Как звучит в полях мой голосок, Песнями проверю!

Я сорву полниги горький куст, Чтоб не рос он в жите. От родной земли не отречусь, Хотя меня согнет!

Родина! Твой гул в моей крови Красным флагом поднят, Ты меня на труд благослови, На высокий подвиг!

ПАВЛОВНА

Вот и состарилась Павловна! Силы бызвой не стало, Никуда-то она не плавала, Никуда-то она не летала. Только штопала, гладила, Пугоницы пришивала. Народка слушала радио, Молча переживала.

Были у Павловны дети, Потом у детей — дети, Чья бы ни были дети, Надо обуть и одеть их.

— Как это получилось, Что ты одна очутилась? Павловна тихо вздыхает, Молчаливо отвечает:

— Старший сынок мой Бернином, Не отлучился — военный, Младший в совхозе целинном, Пахвур облысовенный.

Дочки — они за мужьями, Каждая знает свой хором. Я уж не знаю, нужна ли Страна дура танору, хит!

Я доторенила самовар, Мне уж не расширяться. Жизнь моя, как головешка, После пожара дымится!

Павловна! Я напишу ли сейчас же о встрече нашей, Павловна! Я попрошу их, Чтоб отослалась письмо.

Сяду я ии: вот что, милые, Пахо вы мать бересете! Она отдала вам силы, А вы ей что отдасте?

Юрий Филоненко (слева) и его друг, На любой стройке трудно без таких парней...

**-ЗАВИДУЮ
КРАСИВЫМ?-**

**МРАЧНОЕ
ПИСЬМО
И ЛИКУЮЩАЯ
ОТКРЫТКА**

**ИСТОРИЯ
СЛИШКОМ
СИМПАТИЧНОГО
ПАРНЯ**

**КОНЧАЕТСЯ ЛИ
ПОСЛЕ СВАДЬБЫ
ЛЮБОВЬ?**

ПОГОВОРИМ

О КРАСОТЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОСТИ

Константин ЛАПИН

Среди наиболее волнующих, «вечных» тем, вызывающих яростные споры, особенно в молодежной среде, одно из первых мест занимают, пожалуй, проблемы долга, дружбы и любви, вопрос о понимании красоты человеческой. В последние годы мне пришлось побывать в цехах московских фабрик и на целине, в институтах Омска и Ленинграда, на предприятиях Брянска и в шахтерских клубах Караганды где я был участником дискуссий, на которых всерьез обсуждались и такие, например, вопросы: яс чернушка или абил черемушка должна быть любовью, не есть ли объяснения в любви, девичья честь, верность — «перехиток», а похищение гапстука или модной шляпы — «продельство» делу рабочего класса...

Заслушавши эти внимания подобие обсуждения? Давайте разберемся в этом.

Всякий знает, что рабочие, боющиеся за высокое звание ударников коммунистического труда,

даже внешне мало отличаются от студентов или работников интеллигентного труда. Есть предприятия, где подавляющее число работающих учится в вечерних школах, техникумах, институтах. Молодежь отдает себе отчет, как работать лучше, как выкраивать время для пополнения своих знаний, чтобы быть на высоте требований времени, наконец, как красиво одеваться и вести себя в обществе.

Но случается еще, что парень или девушка, отличные работники на производстве, выкраивающие время для учебы, для занятий спортом, оказываются весьма неподготовленными именно в этих, как их называют, «прохладах» — вопросах. Чудесная пародия девушки, швея, законница текстильного института, вдруг объявляет с трибуны, что больше она на свете завидует красивой подружке, богатырь-экскаваторщик, показывающий в забое инженерную сметку, с горечью делится с соображившимся историей своих неудачных отношений с девушкой-

инженером. Она-де нравится ему, но он никогда не решится сказать ей об этом. Кто она? Простой «работяга». А она недостижимый, неманной «идеал», и внешне и внутренне.

— Завидую красивым! — не раз говорили и писали мне разные люди.

Но что же такое красота человека? Счастливое сочетание лицевых мускулов или форм тела? Нарядный костюм и диплом о высшем образовании?

Не хочется говорить общих слов: столько до меня сказано! Да и плохо доходят порою слова — даже самые красивые — до души читателя. Не стану приводить всем известных литературных примеров, например, нестареющего Павлу Корчагина или Алексея Мересьева. Стоит вспомнить тех, кто слышал реплики молодых: «Когда это было? Другое время и люди другие!» Им подавай случай из сегодняшней жизни, который мог бы стать живым примером для подражания.

Что ж, есть такие примеры... Уж не первая строка ее письма заставляла нас интересоваться: «Слушала я как-то по радио выступление о долге, дружбе и любви. Все это неправда, вернее, красивая, но стертая от частого употребления слова. И вообще я не верю ни радио, ни газетам, ни книгам. В жизни все не так».

Автор письма с прамотой и катарической чистотой своих шестнадцати лет отрицала все и вся. Никакой-де дружбы и любви

на свете больше нет. Не то в наш атомный век чувства стали тоже распадаться, не то скорости пошли другие, космические, — только люди стали не те. Она, например, еще ни разу в своей жизни — пусть даже очень короткой жизни — ни — встречала настоящих чувств, красивых людей. И знает, что не встретит.

Вообще она не верит ни в настоящее, ни в «светлое будущее», о котором так часто говорят. Не верит, кстати, и в то, что ей ответит из кадежской, прекрасной Москвы. Не случай, если бы такое «чудо» произошло, она заранее просит не цитировать высказывания классиков марксизма или великих писателей. У великих людей, наверное, все чувства великие. А кто она? Простая, глупая девушка, песничка на две людских овалы.

Письмо девушки-дествилклассника вызвало тревогу. Что случилось с ней, надломно ли душу, пришло и зыбало? Я написал ей, попросив свою корреспондентку рассказать о себе подробнее.

Девушка ответила не сразу. Она неслотно допущала осторожного в свою душу, писала коротко, словно преодолевая внутреннее сопротивление. Но понемногу

НА КОНКУРС «СМЕНЫ»

Фотоочерк А. МОРОЗОВА и
В. МИЛАНОВА

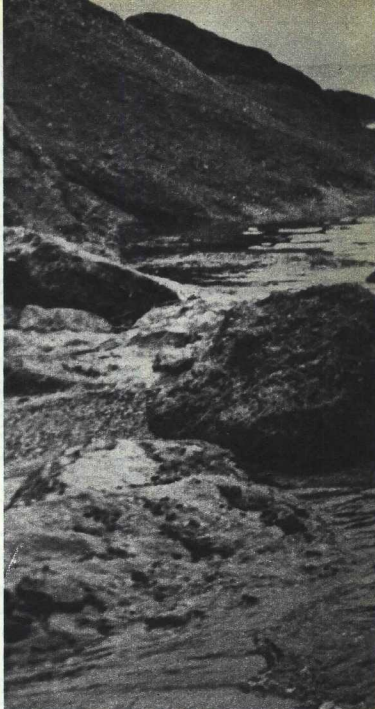

Рано утром, когда солнце только поднимается над прибрежными скалами, в волны, лихорадочно шурша, ласково дикот берет небольшой ботинок, на его песок выбегают загорелые, крепкие ребята. Пробника, дилларда — и они так же бегом направляются к светлому зданию эскадра. А уже через несколько минут, одетые по полной форме, эти же ребята строем идут на завтрак в столовую, или, по-морскому, на камбуз.

И вот на мачте подняты два флага «ноль». Это сигнал всем проходящим кораблям:

— Внимание! Осторожнее! Под водой работают водолазы... Так начинается день в Д-ской военно-морской водолазной школе.

Но прежде чем спуститься под воду, будущие специалисты обязаны пройти полный курс

«Я НА ГРЧИТ!»

подводных наук. Они должны освоить все морские премудрости: устройство корабля, морские практики, такелажное дело. Только после этого начинается изучение водолазного дела. Честно говоря, ни одного предмета не ведут в школе с таким интересом, как специальных «подводных» дисциплин. А как же иначе? Это может быть интересней подводных работ? Ну, а варьез под водой? А подводная сварка и резка? А когда дело доходит до подводной фотографии и подводного телевидения, ребят, честное слово, буквально не вытаскишь на поверхность!

Однако начинается обучение с малого, с азов. Вытяните на свинком! Не так-то просто поднять сквафандр! Сначала по команде дружно растягивают резиновую рубку и все больше и больше «оттягивают» в нее водолаза. Потом на плечи ему кладут медную манжетку, одевают шлем с тремя огромными глазами — иллюминаторами. Но этого мало. На ноги привешивают двухкулодные башмаки, на грудь и спину подвешивают тяжеленные свинцовые грузы. Вместо пояса завязывают петлю сигнального конца.

Наконец все готово. Проверены подача воздуха по шлангу и телефонная связь. Тяжело греми свинцовыми подошвами, водолаз медленно спускается по тросу. Все глубже погружается он в таинственную тишину моря. Вонзает ослепотевшая вода. Медлитель-

зрачными парашютами скользит у самых глаз. Наряды тонятся в стекло иллюминатора и, удаленно развывая рот, вытаращит глаза каменную рыбку. Неумолчно, как кузнечины, стрекочут винтами проходные катера. Загадочные звуки моря доносятся со всех сторон.

Но хватит! Не вслушивайся в эти звуки, водавая, не поубавь предместия подводного мира! Нужно выполнять порученное задание.

— И на грунт! — сигнализирует доложу командир.

Трудно нырялку приспособиться к работе. Вода снова выветливается, искривляет расстояние. Даже ходить по дну нужно умочен, иначе встанет муть, затянется все вокруг. К тому же стоит замкнуться, не выпустить вовремя излишек воздуха — тут же осядешь на поверхности, выплывешь. А чтобы всего этого не было, нужно одно — учиться, учиться, учиться!

Напряженной учебной заполнена жизнь курсантов И-ской молодежной школы. Они неустанно и упорно изучают свою сложную, опасную, но такую увлекательную, такую нужную людям профессию. Придет время, и каждый из этих молодых моряков будет работать самостоятельно: заделывать пробитые, прожидать поврежденные трубопроводы, строить гидросоружения. Что ж пожелаем каждому из них успеха!

Саша

Юрий КАЧЕВ

РАССКАЗ

Ленка сидела на крыльце по-турецки и ела ванильные сухари. Сухари были жалкими остатками вчерашней посылки. Судя по впитанности, посылка шла в эту заблудную ботом дядю шестнадцать дней. А съела ее за один вечер.

— Нерентабельно, — пробормотала Ленка и, поколебавшись, вытащила из пакета последний сухарик. Но съесть не успела.

За спиной скрипнула дверь, и на крыльцо вышла Давида Петровна.

— Присел! — спросил Давида Петрович, присаживаясь рядом. — А ваши еще на зорьке за цветами ушли.

— За какими цветами?
— Стопыки ночью по второму разу задремал, — пояснил Давида Петрович. — И Зорий туда же подался... Чисто малые дети.

Он засмеялся хриплым, каргающим смехом. Ленка вздрогнула. Он до сих пор не мог промолчать к голосу Давиды Петровны.

— Я все хотел спросить, да стеснялся, — сказала ей. — Что это у вас с голосом?

— Старая история, парень. По молодости лет было, товарищ удружал. — Давида Петровна поднесла толстые вороньи брови (брови не сдвигали у него даже тогда, когда голова окончательно победела). — Как-то в святки поехали мы волов травить — от них в ту пору проходу не было. Ну, Митяка, товарищито, и удружал. В трубку, в табак, стрихнину подсапывал. Я вместо вола и зыкла. Всю ночь в уезе свивало.

— За что же он так? — багавела, спросила Ленка.

— За дело, стало быть, — старик отвел глаза и усмехнулся. — Бабю я у него отбил. Хорошая баба была, дарство ей небесное. Ни я, ни Митяка ее не стоили. А Митяка к тому же дураком оказался. Пошто? Да так, по слабости. Увидела, как меня корчит, и в ноги ушла, прощения просит. А потом на замышле полегает, за парным молоком. Коня в умереть заглав. А конь чистокровный дичак был. Ораком звали...

— А вы... вы неужели не поехали бы?
— Я-то? Не поехал бы. Нет, не поехал бы.

Давида Петровна покачала головой и, взглянув в лицо парня, спокойно добавила:

— Ладно. Я ведь наврала все, а ты и уши развесил. Давида Петрович подвинулся. Тяжелея, будто литые, плахи крыльца крикнули под его оступившим телом.

— Побуду-ка лодку смонтировать. На днях с Зорием за рыбой поведем. Старик ушел к амбару и развел под таганом огонь. На крыльцо нахлуло вольно кипящее варе.

«Может, он действительно приврал для красивого словца», — подумала Ленка, но испомана глаза старика, его откровенно дерзительному усмешку и поняла: старик сказал правду, а потому чего-то испугался и решил все обернуть в шутку.

«Самое неприятное, что этот Зорий как две капли воды похож на старца не только лицом, но и характером. А Гапка — просто дурака. Черт из дериуга захватил в это село! Матерьялов и так хватало. Подумишь, дело государственной важности — Гапкина диплом! Ну, понятнито еще, Лыков поехал. А меня-то зачем повесел? Валаяса бы сейчас на палке где-нибудь в Коттебеле и в ус не дуал».

Ленка с хрустом дотряс последний сухарь, выпила кружку воды, хотя пить не хотелось, и стала всматриваться по двору. Давида Петровна заливал варом дичие лодки.

— Может, помохит? — спросила Ленка.

— Чем?

— Ну, чем-нибудь.

— Сам упрямалось.

Изымать от бездела пришлось до самого обеда, пока не явились Гапка и Лыков. Они вваливались с охапками огненно-алых осенних цветов, и глаза у них были какие-то ненормальные. Зорий шел сзади со своей обычной чуть выемленной миной.

— Ленка, ты просто обомлела, что не пошла, — подтолка, сказала Гапка.

— Да? А вы меня разбудили?

— Ленчик! Горе ты мое! — Гапка всплеснула свободной рукой. — Да битых поначас будила. Но ты же проявляе цехую речь о бессердечии и... о чем еще, Лыков?

— О том, что дуриная голова ногам покоя не дает, — басом сказала Лыков.

— Представалась, Ленка, сентябрь в крутом море огоньков! — Гапка зажмуривалась. — И фациали столько цветов, будто на поле селят тысячи сиреневых бабочек! Правда, Лыков?

— Это уж женская экзальтация, — определила Лыков. — А в принципе, Ленка, здорово было. Честно.

— Ну и пусть, — сказала Ленка. — Я обиделся. И вообще я хочу есть.

— Сейчас поставлю цветы, и пойдем в чайную. — Гапка побежала в конюшню и оттуда крикнула: — Ленка, захвати магнитофон и чистую ланку. Сегодня Алафуева на вечерку приглашала.

— Ты пойдешь? — спросил Зорий Лыков.

— Идите. Я позднее. Дядю надо помочь.

С портативным магнитофоном и с лентой, упакованной в картонную коробку, Гапка, Лыков и Ленка отпривались в чайную. Здесь было неизломомодно, чисто и кормила ирландки.

— Интересно: что сегодня наши старушонки выдают? — с выбитым ртом говорил Лыков. — Прошлый раз улов был нормальный. А это просто выходы... — Размахивая вывалкой, Лыков скороговоркой прошепел:

Как на моршине Велом.

Бит на море Студенном

День-дальней селитринные волны гуляют,

Все волны гуляют!

Каравс погоняют!

— Я тоже думала об этой песне, — сказала Гапка. — Как могла она попасть сюда, в сибирскую деревушку? Лыков жожал печамии.

— А я знаю, — сказала Ленка.

— Ты все знаешь.

— В-б-б-б, Гапка, знаю. Я поговору догадалась. Здесь еще живут слява, котрыне в общерусском языке давно исчезли.

— Например? — сказала Лыков.

— Например, «вехотка». Ни один абориген не назовет ее мочалкой.

Рисунок Ю. ПЕСТРОВА.

У поморов то же самое. И еще тут говорят о неопределенном человеке: «Ободрался весь и пошел рваным трикотажем». А поговорит скажет: «Позвонилась одежда, все в рваной извазась».

— Ай да Ленька! — сказала Лялька. — Гапка, этот извещающий филолог прославил вашу фамилию, помани мое слово. Гостей астреляла и провела в горницу одна старуха Агафьяха. В горнице сидела несколько пожилых женщин, раздореженных, как на провауек. Гапка заметила, что от них уже показивает анфимом. Молодых пока не было. Видно, они придут еще позже.

Гостей усадили за стол и поднесли по стакану браги. — Выпейте для почиту, дородно гостились, — говорила Агафьяха, держа наготове тарелку сомыных грудей. — Молодуха сладкая да старуха инком огонь по живым побегает.

Лялька вышла первым и стал возиться с магнитофоном. Хозяйка обнесла братой и женщиной.

— Готово, — сказала Лялька. Женщины притихли. — Ну, чем же наших гостей распотешить? — спросила Агафьяха и, присев на лавку рядом с женщиной, что-то шепнула им на ухо. — Внимание, — сказала Лялька и нажала кнопку, — записывай!

Ой, не пмыл во поле запылилась, —

тонким девичьим голосом завела Агафьяха.

Не туманы с моря поднимаются...

И пять славянок, еще свальных голосов подхватили:

Подмылились гуси-лебеди,
А один лебедь остава-а-лся...
Он повалился по зарям летать,
По зарям летать, по утренним,
Ой, ко белой-то лебедушке...

Когда женщины смолчали, слышно было, как шуршит магнитофонная лента да где-то за окном инкажет, иррибавляется, гармонь. Потом они без всяких усукоров начали новую песню. Наконец Агафьяха сказала:

— Ну, будет! Надоели мы вам. Лялька прокрутила им запись. — И-и, милая! — дивилась старуха. — Чисто по радио выходит. Это где же там наши голоса слышны? Лялька показывала им палец, но женщины качали головами. — Смеялись ты, смехок, над нами, дурами темными. Да и то сказать — не велик грех...

Часа в десять запылилась толпа молодухи и с нею Зорья. Он был в тусклой белой рубашке и начищенных сапогах. У Гапки сразу вспыхнули щечки и забегали глаза. А голос стал чересчур беззаботным. Парни и девочки без устали выкаблучивали кадрили. Гармонист уже совсем обмяк, но смеяться его было некому: тащца под магнитофон здесь не присоволаживалась.

В избе было душно, как в бане. Лялька все время следила за сестрой, но тах и не ушла, когда она исчезла. Зорья тоже не была. — Ну что, пойдём? — сказала он Ляльке.

Выходя во двор, Галя в сених спотыкнулась о таз. В тазу, изогнувшись вдвое, лежала большоголовая рыбина с красными крапинками вдоль спины.

— Вот это да! — раздался сзади восклицательный голос Лешки. — Тай-ме-спитце! Лыков, иди сюда!

Присев на корточки, оба они долго разглядывали таймею.

— Может, хвостик! — сказала Галя. — Не мешало бы сначала узнать, сколько он стоит. Вот истать, и хозяин идет.

— Эй, хозяин! — окликнула Галя Зорюя и, когда он подошел, кивнула на рыбку: — Сколько в ней вес?

Зорюя покачал головой:

— Ну, килограммов пять... А что?

— Ничего. Нам совсемно принимать такой подарок. Мы заплатим. — Вот оно что... — Зорюя внимательно посмотрел на Галку и усмехнулся. — Ну, что ж, не хотите бесплатно — давайте деньги.

Отлично, сказала Галя. — Килограмм рыбы в чайной Даниила Петровича идет по двадцать копеек. Но мы не будем спускаться и залепим базарную цену — шестьдесят пять копеек. Итого шестьдесят пять на пять... Три рубля двадцать пять копеек. Я не ошиблась?

Зорюя молча покачал головой.

— Лыков, присеи ваш сейф!

Лыков принес бумажник, и Галя отсчитала деньги.

— Двадцать копеек еще за доставку на дом, — с той же усмешкой сказал Зорюя.

— Подучите.

Зорюя взял деньги и неторопливо пошел на улицу. Галя с ненавистью смотрела в его широкую спину, стянутую побелевшей гимнастеркой.

— Да-а, — сказала Лешка. — История с географией...

Был двенадцатый вечер. Последний вечер их знакомства, лунный и холодный.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказала Галя.

— Хорошо. Только не смотри на меня такими глазами.

— Какими?

— Странными.

— Зорюя, я тебя совсем не понимаю. Не улыбайся, пожалуйста. Чем ты живешь? Почему ты нигде не работаешь?

— А зачем?

— Неужели вы во всем одинаковы?

— Кто это «вы»?

— Ты и Даниила Петровича.

Галя злобно поехала и подняла воротничок пальто.

— Я недавно слышала, как Даниила Петровича разговоривала с Лешкой Лешка ему о спутниках рассказывала. А тот помолчал и говорит: «А у нас в магазине целый месяц воды нету. Это как? Вот и посуду, что человеку нужное — спутники твои ади выпить». Неужели и ты так думаешь, Зорюя?

Вместо ответа она услышала хохот.

— Тебе смешно?

— Нет, Галя, ты знаешь, что такое любовь?

— ?!

— Любовь — это когда любишь даже классового врага.

— Гаюю, — сказала Галя, — Гаюю, что я тебя действительно люблю. Макрового мешанина, списбиа.

— Списбиа?

— Да. Было в русском языке такое выражение — списбиа копейку. Это тебе брат твой просветил! — задумчиво спросил Зорюя. — Хороший он парень.

— Самое противное, — сказала Галя, — что тебя ничем не задеешь. Мне кажется, я ошиблась. Я тебя ненавижу.

Она повернулась и быстро пошла домой. Зорюя ее не остановил.

Наутро они уехали с попутным грузовиком. Шел холодный, осенний дождь. Он разманисто ходил по лужам и барабанил в крышу кабинки.

— «Хорошо, что идет дождь», — думала Галя, вытирая рукавом мокрое лицо. — Никто ничего не поймет... Дуря я, несчастная дуря. Как я могла полюбить такого человека!»

В нос ее садилась — хоть выжми. У Галки не попадал зуб на зуб, и она вытала мужчине из купе. Стянув пальто, она раскрыва чеподан и достала сухое белье. Из полочке вышла конверт. Галя поджала его и раскрыла. В конверте лежали деньги и письмо.

«Галочка! Ты на меня не сердись, адуно! Я не знаю, что на меня пактило. Наверно, я просто хотела убедитесь... ну, ты понимаешь, в чем.

Не сердись. Не сердись!

В ноябре я жду тебя в Норильске. Работы у нас до чертиков (я говорю о тебе).

Дальше. Деда мне уже не переделать. Пробовал. Старик часто верит, что мир по-прежнему стоит на деньгах и что в старости без них они провалят. Словом, пунстик. И пунстик не ко времени. Анахронизм, как сказала бы неси Лешка.

Ну, пролую тебя. Если не приедешь в ноябре, сам займался в Москву. Будет худо. Понял?

А вообще скучно у нас не будет. Крутом ребята-гвозди.

Привалаю адрес.

Зорюя.

P. S. Забыл. Я техник-гидролог».

Когда в купе вопил Лешка и Лыков, Галя смеялась.

— Ну, по такому поводу... — сказала Лыков и принес из вагона-ресторана бутылку коньяку.

— Малышники! Вы круглые дурачки, — сказала Галя, поднимая стакан. — Выпейте за Крайний Север!

Лешка и Лыков перестали смеяться.

— Я говорил, все пройдет, — сказал Лыков.

— Женищина, — философски заметел Лешка и тяжело вздохнул.

Жажда

Вгляни на озеро:

на дощке кружатся родинки, как сверла. А у глухой тайги от солнца перескочит горло! Глоток воды, один

хоть бы, чтоб слова свежестъ ороста! Ей лесорубым обручили лапы. Ей к озеру не подойти. А гудит ветер тучи носит, грома катаются, гудя... И ждет тайга, когда ей бросит скучное небо горсть дождя.

Сон в городе

Москвой моталась день-деньской. Куда пойти еще, скажате? Рукой я сквачен городской, тяжёный жилтея. К холодным, бланцующим домам я присоаянись головою. Я этим каменным претам присво дымалье поалое. Среди мостов, среди громад я подвинусь сосной зелёной. Я обоявись, как виноград.

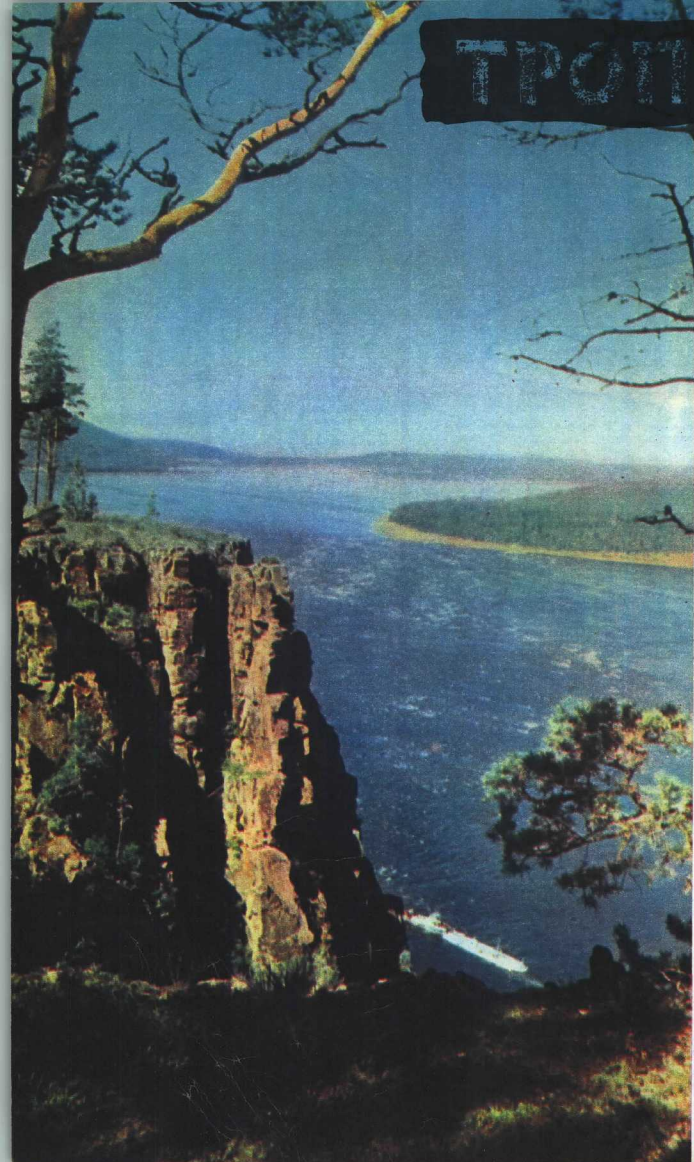
вкрут этой мраморной колонны. От зловонных просек, дальних сел привез я голубые грозды. Чтоб каждая грозды годоуадной црел и каждый столб шумела березой! Как душно городу! Зима завязжтец улицы не скоро. На место стекло в те дома я всталю ситие озера. Я слышаю грозды рос на это каменное тело. Чтоб не трамвай, а несия кос на нерекрестках прозеленела. Туда я саженицы несю, где тротуар течет рекою... Я спало в квартире, как в лесу, с кедровой веткой под щекою.

Тропой

Фото

Н. НЕМНОВА.

Неоглядные дали открываются со снай Мурского порога. Нужно большое умение и мужество, чтобы проехать через пороги Ангары караван барж или «ношель» леса.

ИЗЫСКАТЕЛИ

Наш отряд инженерно-геологической съемки работает на восточном берегу Нижней Ангары — так называют места, наиболее подходящие для строительства плотин.

Северная великая река! Сколько раз она пыталась перекутить нас! Бывало, накрепко привяжем катер и лодки, палатки разобьем подальше от воды. А она незаметно подкрадется ночью к ковычкам, к которым привязаны лодки, подмет песок и потякомку утащит их от берега. Тут уж не зевая, выскакаешь из теплой палатки и лезь в холодную воду...

Немало хлопот доставляет Ангара и пловцам по ней. Кипит и пенится вода на порогах, вырывается и плещет в борт на шиверах-перекатах. А берега осточертели комкатыми тучами мошей и комаров... Но все равно в этих глухих местах идет напряженная работа. Геологи, топографы, геофизики, гидрологи с весны и до поздней осени изучают Нижнюю Ангару — ее берега, русло, все ее притоки.

Нечто большое дело. Пройдет время, и здесь вырастет Богучанская ГЭС. Она будет почти такой же мощной, как Братская гидроэлектростанция. В десять — двенадцать раз больше энергии, чем во всей довоенной России, дадут ее генераторы за год. А пока здесь расцвело дремучее царство первобытной природы, и только гул буровых станков, рокот моторов да голоса изыскателей тревожат его тишину...

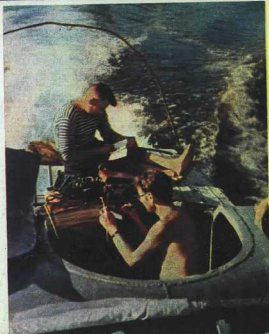

В эти места можно попасть только на вертолете. Вот он, аэродром крохотного поселка геологов Пуши.

После дневного похода весь поисковый отряд в сборе.

Здесь, в скалах возле Алпанского порога, геологи интересуются образцы траппов.

Маршрут дал много интересного. Нужно все подробно записать.

мя Джерри Силвермана, американского певца и исследователя народной музыки, в апреле услышал в Москве незадолго до поездки в Вену, на Всемирный фестиваль молодежи. Мне сказали, что Джерри тебе будет на фестивале, что с ним интересно увидеться, поговорить.

Встретились мы неожиданно, почти случайно. Это, конечно, не была наша знакомство, мы всегда свеемся. В самом деле, разве не смешно, когда два незнакомых человека, американец и русский, несколько дней бегали по улицам чужого города и спрашивали первых встречных, не попался ли им... дальше в ход шли восклицания, минимы, целенаправленные, потому что мы ничего, кроме кивков, не знали друг о друге. Впрочем, тогда нашим вопросам никто не уделялся. Нам отвечали улыбой. Чего только не происходило в Вене в те стремительные и счастливые дни!

Джерри потом убеждал меня: «Мы бы все равно встретились. На фестивале бы свыжились все, нам задурили».

Я возразил: «Это все-таки случай. Ведь мы с тобой чуть не на целый день стали знакомыми в пресс-центре, на концертах, на митингах. Почему же мы не узнавали друг друга?» Джерри ответил уверенно: «Потому что со мной не было моей гитары!»

Это верно. Я узнал его только благодаря гитаре. А она у него необыкновенная — звонкая и отзывчивая, то печальная.

«Наallee венского парня Пратер кружком темнелась толпа, доносилось чье-то пение. Я пошел и увидел в центре толпы молодого, коротко остриженного парня в юбачке. Он походил именно так, подражая себе на гитаре. Все слушатели были удивлены. Вдруг парень перешел пением и по-английски обратился к собравшимся: «Amie girl Джерри вместе со мной. У народных певцов есть правды песни не спеть, если ее не подхватить».

Упрямство никого не пришло. Тут же зазвучал хор молодых, сильных голосов. Тем же, что начал неумолимо завывала, — американские блюзы и гортанные австрийские «юдери», старинные шотландские баллады и популярнейшие советские песни. Звонела гитара, певец вел всех за собой, в музыкальные перемены границы стран и континентов».

Я догадался плавно и тихо, но совсем уверенно оминилу парня: «Джерри! Он быстро поговорил на меня и улыбнулся: «Как же в раньше не догадался позвать тебе песней! Здравствуй!»

Так мы наконец встретились. Все оставшееся до конца фестиваля дни мы почти не раставались. Насши разговоры не было конца! Оба музыканты, мы много назвали общей музыкой, рассказывали друг другу о народном искусстве своей страны.

Джерри Силверман живет в Нью-Йорке. Сейчас ему тридцать один год. Он настоящий энтузиаст и подлинник своего дела. Он собирает,

записывает и обрабатывает американские народные песни (как, впрочем, и фольклор других народов). исполняет эти песни в концертах и по радио, напевает на грампластинках. Недавно Джерри защитил диссертацию, посвященную блюзовой музыке, и получил магистратуру. Вместе со своим старшим другом, популярным певцом Питом Синглом, он является одним из редакторов прогрессивного журнала «Синг-рутс («Звездный»)».

«Все молодые американцы, исполняющие народную музыку, называют себя «фолкниками», — рассказывает мне Джерри. — Этот термин образовался из английского слова «folk» (народ) и русского суффикса «ник», в точности от самого популярного сейчас в мире слова «студентик».

Джерри — интересный собеседник. Он может широко, смело и много часов говорить о любимом деле. Объясняет развитие народной музыки, он глубоко толкует исторические процессы, особенно сложившиеся в Америке, в фольклор которой смешались самые различные национальные наследики».

Фольклор определяет истинную силу и самобытность всякой культуры. Неожиданность своего содержания, обильные формы и выходы воссоздает поэтический и правдивый облик нации.

Чтобы узнать душу трудовой демократической Америки, надо слушать ее песни, блюзы и спиричуэлы, старинные баллады и гимны. Их создал народ: негры и белые, рабочие, фермеры, матросы, заложники, индейцы. В этих песнях встает огромная страна, ее люди, быт, нравы, традиции. Это поэзия редкой красоты и простоты. Она объединяет тончайшие нюансы чувств и поднимается до больших социальных обобщений; в ней и грусть, и мечта, счастье.

Как все несложно с той Америкой, которая предстает миру с своих гингстерских фильмах и разнузданных воплей рок-н-ролла!

После Венского фестиваля Джерри Силверман приехал в Москву. Он сделал в Союзе композиторов интересный доклад об американской народной музыке, выступил в открытых концертах, спел свои песни по радио и телевидению.

Джерри не был простым туристом. Все свое время он отдавал знакомству с нашей культурой. Вынаательно слушал он произведения молодых советских композиторов и особенно русскую народную музыку. На одном из концертов, где выступал Оксфорд народный хор, Джерри был поражен песнями, которые сочинила группа того же коллектива Аграфена Оленченко».

Как это прекрасно! — воскликнул он. — У народа, рождающего такие таланты, великое будущее! Джерри соборил песни А. Оленченко, рассказал ему об этой замечательной силе. Он выслушал А. Оленченко и ответил ей: «Япел себя, американскую песню, которую в 1931 го-

ду, во время всеобщей забастовки, написала Флоренс Риз, была шахтера из Карлажа, штат Пенсильвания. Эта прекрасная, суровая песня, и более популярна в Америке, чем какая-либо другая».

Вскоре Джерри уехал и поехал в родину. Три года юты, книги, пластинки, Джерри помог мне доставить в Москву современную Америку. Я было принял и сердцу инаже людей, чьи прогрессивные взгляды и убеждения несут им так много испытаний. Этии людям нелегко, но они не сдаются. Джерри как раз и представляет ту демократическую, ищущую правду американскую молодежь, которая открыто заявляет о своей приверженности демократическим принципам, передовым социальным устремлениям общества».

Мне стали близкими дела и заботы небольшого, но весьма популярного в Соединенных Штатах журнала «Звездный». Я полюбил чудесные американские блюзы и спиричуэлы, узнал десятки талантливейших музыкантов, вокалистов, следил за мужественной борьбой замечательного певца Питера Сингла, признанного лидера американских «фолкников», которого Федеральная служба США год тому назад пригласила в тюрьму за участие в протестах. Во всем мире поднялась тогда буря протеста, и люди добились пересмотра позорного приговора. Пит Сингл был оправдан».

Мы плохо представляем себе, какими массовыми стали сейчас движения спонсированной народом музыкой в Соединенных Штатах. Ежегодно миллионы «фолкников» поют и играют народные песни по всей стране. В западной Америке и особенно в Калифорнии, где и гитара странствующего молодого человека с гитарой.

Концерты «фолкников» необычны. Здесь нет разделения на артистов и слушателей. Люди приходят и поют вместе с исполнителем, танцуют, концерты получили название «хутиганки».

Джерри писал: «Слово хутиганки родилось из американского фольклора. Его нет в словарях ни в это и концерт, и собрание, и музыкальный Уорн одновременно. Два хутигана жуют и в сердцах и голосах молодого поколения Америки, в тех американцах, которые тысячами слетаются, чтобы вместе спеть любимые песни».

Для хутиганки не нужны специальные концертные помещения. Люди собираются и поют во дворах домов, в школах, в парках, в церквях. С недавнего времени в Нью-Йорке и в других городах появились специальные клубы, которые собираются на концерты «фолкников». Эти клубы организуют себе и такую сцену, как знаменитый Карнеги-холл в Нью-Йорке. Три тысячи счастливых всегда записывают эл до отъезда и даже выписываются на концерты, что подуржались на фестивале, мечтают снова увидеться на новых встре-

Ночной блюз

Музыка Джерри СИЛВЕРМЭНА
Слова Евгения ЕВТУШЕНКО

Весенней ночью думай обо мне
и летней ночью думай обо мне,
осенней ночью думай обо мне
и зимней ночью думай обо мне.
Пусть я не там с тобой, а где-то вне,
такой далёкий, как в другой стране,—
на длинной и прохладной простыне
покойся, словно в море на спине,
отдавшись мягкой медленной волне,
со мной, как с морем, вся надежде.

Услышь сквозь паровозные свистки,
сквозь ветер, тучи рвущий на куски,
как надо мне, ползавшему в тиски,
чтоб в «омматго, где стоны так узки,
ты журилась от счастья и тоски,
до боли сваяв ладными виски.

Молю тебя — в тишайшей тишине
или под дождь, шумящий в окне,
или под снег, мерцающий в вышине,
уже во сне и все же не во сне —
весенней ночью думай обо мне
и летней ночью думай обо мне,
осенней ночью думай обо мне
и зимней ночью думай обо мне.

Я не хочу, чтоб думала ты дном.
Пусть дождь перевернет все кверху дном,
окурит дымом и зальет вином,
заставит думать о совсем ином.
О чем закончась, можешь думать дном,
а ночью — только обо мне одном.

Гитара Джерри звучит, как оркестр. Он поет самозабвенно, и слушателя покрывает.

Фото автора

чаяк молодежи мира. Мы с Джерри не составили исключения. Мы поехали в Хельсинки.

Джерри пришел на вокзал встретить нашу группу журналистов. Едва мы обнялись, как он попоны мне в руку новую, в блестящей обложке книгу. Это был только что изданный в Нью-Йорке сборник популярных русских и советских песен, в котором Джерри перевел тексты, аранжировал песни для игры на гитаре и банджо. И с волнением листая страницы со знакомыми названиями и мысленно представляя себе, как тысячи простых людей Америки будут петь наши советские песни, узнавать в них нашу жизнь и наших людей, Спасибо, Арут!

На фестивале я познакомил Джерри с поэтом Евгением Евтушенко. Они крепко подружились. Джерри выучил и паял перушинские песни на слова Евтушенко «Белит ренат» и «Хотят ли русские войны». Его гитара звучала, как оркестр, когда он ансамблем из стилизованно возникшему хору на дружелюбной встрече советской и американской делегаций. Евтушенко радовался, шумел: «Тан еще инито не пал! Вот талантливый парень!»

А потом Джерри снова приехал в Москву. Слова были встречи с друзьями, концерты, выступления по радио и телевидению, бесконечные разговоры о музыке. Однажды Джерри сказал мне: «Послушай одну песню. Я закончил ее вчера». Он заел, и я узнал слова известного стихотворения Евтушенко «Знакомимся». Джерри назвал свою песню «Ночной блюз». Ему близка была именно эта форма, и, надо признаться, она хорошо подошла и настроению стихов.

Джерри принес песню в редакцию «Совская». Он очень хотел, чтобы «Ночной блюз» впервые был напечатан в молодежном журнале. «Это будет мой монументальный дебют в Советском Союзе», — говорил он по дороге в редакцию. — Я очень волнуясь».

Что ж, дебют американского музыканта, пожалуй, удачен. Его песня напечатана в этом номере журнала, и читатели могут сама оценить ее достоинства.

Может быть, в выдан рабочий «секрет» Джерри Силвермана и Евгения Евтушенко, но я все же скланю, что новой песней, которую они сейчас делают, будет песня о героической Кубе, о Фицере Кастро. Я слышал отдельные фрагменты — это очень интересной!

Такой мой американский друг, талантливый музыкант и чудесный, добрый парень. Мы встретились на фестивале, но по-настоящему сдружилась нас сама жизнь, стремительная, интересная, сложная, полная борьбы и надежд. Джерри Силверман не только мой личный друг — он друг всех советских людей. Он представляет ту Америку, дружить и общаться с которой — большая радость.

Музыка Джерри звучит, как оркестр. Он поет самозабвенно, и слушателя покрывает.

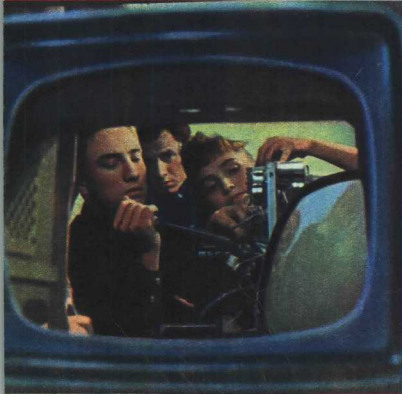
Jerry Silverman

ПОЧЕМУ ИХ ПОМНИТ

Кто сказал: «више себя не пригнешь»?

Не только танец, но и работа на заводе «Электросигнал» требует точных и верных движений.

Э тот отнюдь не печальный рассказ приходится начать с сожаления: ведь, что фотографам не обладают свойствами движущегося кино, а текст не может звучать живыми голосами. В таком случае читатели нашего журнала смогут бы увидеть великолепные танцы и услышать прекрасные песни... А пока что мы просто поздравим вас с работами на Воронежском народном ансамбле песни и пляски учащимся профессионально-технических учебных заведений.

Может быть, не совсем убого называть артистов работами, но в данном случае нас выручает возраст: им по 15—19 лет. Все они комсомольцы, все учатся в профессионально-технических училищах Воронежа или только что начали самостоятельно работать на предприятиях. У каждого стаж артиста превышает рабочий. И каждому есть что вспомнить...

Поэтому и рассказ о молодых артистах хочется начать с воспоминаний. С воспоминаний о том дне, когда теплоход «Грузия» подошел и причалам финской столицы.

Они начали выступления задолго до первого концерта. Едва выйдя на набережную, ребята пустились в пляс. Гулко застучали по асфальту сабуны, юрочками вздулись расшитые сарфаны, и зауважала над портом веселая, задорная русская песня. Там ступили на финский берег ребята из Воронежа.

Это неофициальное и довольно неожиданное появление русских артистов было своеобразной визой дружбы, оно располагало к ним сердца финнов.

Популярность ребят из Воронежа на фестивале росла с каждым днем. Если бы они отменяли на все возглас «Бис», которые в те дни раздавались в их адрес, им пришлось бы петь и танцевать до сих пор. Впрочем, ребята не заставляли себя просить и не скитались на выступлениях — за короткое время, проведенное на фестивале, ансамбль выступил больше шестидесяти раз. И это только на концертах. А сколько было стихийных выступлений! Сколько раз воронежцев узнавали на улицах, подгвазали слова полюбившимся русским песням — тут уж волонтерам приходилось давать непрозрачный концерт, иногда в местах, совсем не подходящих для выступлений. Некоторые ребята приходилось на себе убедить в том, что искусство требует жертв: у танцовщиц Валерия Овчинникова и Юрия Петикова от частых выступлений прямо на косточках были разбиты мозоли. Впрочем, никто из зрителей этого не замечал: пересыпавшая боль, ребята плясали так же четко, уверенно и легко. Чужие попортили зрителей

Морея цветов расплескался по сцене хоровой девушки.

молодых воронежских артистов?

Украшение ансамбля — танцевальная группа, шестнадцатидевятилетняя и девушек. Дело здесь не только в беспорочном профессиональном мастерстве самодельных артистов, но и в репертуаре, подлинно народном и в то же время глубоко интернациональном. Самыми привлекательными сторонами в любом искусстве всегда остаются теплота и новизность. Эти качества главные в творчестве молодых воронежских артистов.

Много и всегда с успехом выступствовала по сцене мира «Русская пляска». В исполнении воронежцев в ней по-новому оживает исконное народное веселье и неподдельный юмор. Танцевально-хоровая сюита «Королева полей» была встречена, что называется, «на ура». В ней элементы хореографического новаторства обогатили искусство современного русского народного танца. Теплотой, мягкой парящей задушевностью полюбила зрителей русской народной хоревой «Утушка луговая». Среди слез того международного языка, который всегда рождается на фестивалях молодежи, было и русское «утишка», проникновенное к сотней акцентов.

Иногда говорят, что у искусства нет конкретных единиц измерения, которые могли бы определять его силу. Но участники и зрители фестиваля были свидетелями того, как эта точка зрения потеряла прах. В один из дней (это было, когда встречали Юрия Гагарина) самая большая площадь Кельсины была залужена народом. Люди мушкетерами себя, или в парашютной забаву. Были здесь и артисты Воронежского ансамбля. Их узнали. В невозможной тесноте насчит-

Чтобы зрители увидели «немую поэзию» танца, руководителю ансамбля А. П. Шостку приходится быть красноречивым.

данию образовался круг. А скоро почти вся площадь превратилась в гигантский хоровой. Все хотело видеть, как пляшут русские ребята, но нити не хотело отрываться ролью зрителя. В центре круга с подругами в руках оказалась руководитель ансамбля Александр Петрович Шостка. Он стал поставщиком массового импровизированного танца. Площадь, подпевая слова, становилась доплурными, затанцевала «Утишка».

С фестиваля Воронежский народный ансамбль увез на родину золотую медаль победителей. С тех пор прошло уже много времени, но и теперь ребята рассказывают об этом, точно все было только вчера. Им не приходится напрягать память: каждый день почти приносит множество писем из адрес ансамбля на имя Любы Олейник, Вали Расковой, Вячеслава Нагаева, Володи Захарова и многих других молодых артистов. Это письма финских друзей. Они делятся своими новостями, спрашивают об учебе и работе, о жизни ансамбля, который оставил о себе крепкую память в Финляндии.

НЕ УСТУПАТЬ ЛЫЖНИ!

Фото А. БОЧНИНА.

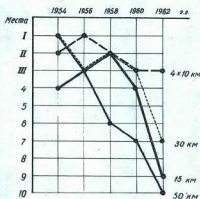

Г. ЕЛЕНСКИЙ,

судья всесоюзной категории

Пришла зима, увлекательная пора лыжных гонок, конькобежных состязаний и хоккейных турниров. Готовясь к новому сезону, любители спорта, конечно, не раз вспомнили события минувшей зимы. У конькобежцев воспоминания были приятными, у хоккеистов — сносными, а вот у лыжников — скверными. Ведь прошлая зима принесла им немало огорчений. Чемпионат мира, проходивший в Засконе, завершился новым успехом советских лыжниц, — небывалым поражением наших мужчин. Из двенадцати призовых мест им досталось только одно, и то третье (а эстафете 4x10 километров). А лучшие «достижения» в гонках на 15, 30 и 50 километров соответствовали лишь седьмому, девятому и десятому местам!..

Любопытен в связи с этим гра-

фик, отражающий неприглядную картину спада достижений наших горнолыжников на чемпионатах мира.

А стоило ли тревожиться по данному случаю? — скажут некоторые из болельщиков. Ну, приоритетом наши горнолыжники. Зато олимпийские успехи советские штангисты, гимнасты, стрелки, некоторые из легкоатлетов, шахматисты... Нельзя же все вымывать, асуду держать первенство! Подобный софизм стал бывать в спортивных кругах и косвенно получает отражение на страницах печати. Не случайно выступления газет в Советский спорт о делах лыжников отличаются миролюбием к серьезным недостаткам в организации работы по этому вездущему виду спорта.

Действительно, совсем не обязательно советским спортсменам держать мировое первенство во всех видах спорта. Кстати, к этому их никто и не призывает. Хотя бы по той причине, что далеко не все виды спорта развиты у нас должным образом. А некоторые не культивируются вообще. Например, нет у нас хоккея на траве и бобслея. Не привидись среди нашей молодежи также акробат, бейсбол, велоспорт, гольф, Гамбол и регби только завоевывают права гражданства. Не могут удовлетворить нас результаты выступлений на мировой арене фигуристов, прыгунов в воду, теннисистов, пловцов и, конечно, горнолыжников. И вместе с тем в силу целого ряда причин пока никто не требует от представителей этих видов мирового первенства.

Но когда заходит речь о таком виде спорта, как лыжные гонки, тут разговор иной. Ведь лыжные гонки — спорт № 1 для нашей молодежи. Советский Союз — самая лыжная в мире страна. 21,4 миллиона кв. километров территории Советского Союза на долгие месяцы покрываются снегом, что в 19 раз превышает всю площадь скандинавских стран. В наших «снежных краях» проживает в десять раз больше населения, чем в Норвегии, Швеции и Финляндии, вместе взятых. Лыжи стали у нас поистине массовым, всенародным спортом. Поэтому-то советские лыжники и должны, даже обязаны держать мировое первенство, ибо это — дело национальной спортивной чести.

Такая задача по плечу нашим спортсменам. Они не раз уже доказывали это на деле.

Впервые выйдя на первенство мира в 1954 году, советские лыжники завоевали четыре золотых медали из шести! Через год их осталось две. В 1958 году чемпионками стали только наши женщины. Достижения мужчин были отмечены лишь серебряными призами. А на «белой олимпиаде» в Сяо Валли нашим парнем досталась только «бронза». Правда, в общем зачете команда лыжников СССР вышла тогда на первое место. Трезвые голоса, поднявшие было тревогу по случаю неудач лыжников в Сяо Валли, получили в законных олимпийских медалях, завоеванных... женщинами. А дальше? В 1961 году наши лыжники оказались уже в числе аутсайдеров на всех крупнейших международных гонках и по итогам сезона оказались на четвертом месте. Казалось бы, пора бить набат! Ничего подобного не произошло. Подходя безрадостные итоги лыжного се-

зона 1961 года, Центральный совет союза спортивных обществ и организаций СССР в своем решении заявил, что в стране не следует допускать серьезные ошибки в организации и методике учебно-тренировочной работы. А что касается Нюкова, то это был исключительный случай. Как говорится, «подлодно» — и с плеч долой. Об этом свидетельствовал тот же факт, что решение Центрального совета, подписанное в нем, до принятия сборной дошло только в ноябре (III), когда уже было поздно перестраиваться!

Стоит ли удивляться печальному факту, что в минувшем году наши мужчины по сумме результатов четырех гонок на чемпионате мира в Законе набрали лишь 4 очки и оказались на пятом месте! Они проиграли не только гонимцам Швеции, Норвегии и Финляндии, но даже итальянцам! Тут уместно вспомнить милые сердцу времена, когда в конце декабря 1956 года в Кортине д'Ампеццо

советские гонщики набрали в командном зачете 28 очков. Итак, за шесть минувших лет их достижения держат на последних пяти местах чемпионата мира. Самые занятые в первых эшелерах на каждой дистанции гонки, оценим по общепринятой олимпийской системе (7 очков за 1-е место, 5 — за 2-е и т. д.). И вот итоги такого подсчета:

	1954	1956	1958	1960	1962
СССР	23	28	21	13,5	4
Италия	14,5	14,5	14,5	23	23
Швеция	7	21	21	31	34
Финляндия	4,5	23	39	26	21
Италия	2	2	2	2	6

Как говорится, комментарии излишни...

Чем же можно объяснить неудачи наших гонщиков? С таким вопросом я обратился в мае 1961 года к чемпиону мира Грану Норвегии и Николаю Аннинку. Оба прежде уже стали советами на отсутствие... хороших «отепельных» мазей! Но их утверждения, скандинавские гонщики во время оттепели применяют особую мазь, специально сваренную для национальных команд Швеции, Норвегии и Финляндии, — «Фрод», и т. д.). И вот итоги такого подсчета: Но мазь было закуплено 5 тысяч граммов, а в результате в результате, в том числе и «Фрод». А эффект тот же: наши гонщики опять терпят одно поражение за другим.

Видно, суть являла в секретной рецептуре. Как, что наши гонщики и их наставники до сих пор не овладели искусством комбинированной смазки. Но это не все. Вскоре, — Техника наших сильнейших гонщиков во многих отношениях оставляет желать лучшего, — говорю недавно в полной мере. Это тренер Федерации лыжного спорта СССР Виктор Баранов. — Смотри, например, на чемпионы страны Яна Урбаниа и дослашавший. Нам не хватает скорости, движения его в толчках рукой и ногой не закончены. В результате усилила малаофрентности. Он не обладает всеми нашими лучшими мастерами!

НАУКА ДАЕТ О ГЛАВНУЮ МАСТЕРСКИ

Рассказывает академик Любомир Крестанов

Раскройте любой свежий номер болгарских газет — и вы прочтете вдумчивые отклики трудящихся на решения VIII съезда Болгарской коммунистической партии. Задаете вопрос: почему приятно — и вы услышите обильный голос народа, горячо приветствующего исторический партийный пленум, в котором провозглашено 20-летний путь страны. В цифрах всякого предостережения — много сил, народа, его работа, его достижения — его родине, о ее будущее... *Все социалистическая Болгария живет единым трудовым ритмом, единым стремлением — построить на родной земле коммунизм.* И в заводах и шахтах, на кооперативных полях и в научных лабораториях во всех уголках страны, неимоверно много деловой за последние годы, мы ощущаем в эти дни широкий размах созидательных дел, кипучий накал новой жизни.

План ергодных свершений, разработанный Болгарской коммунистической партией, уже превратился в жизнь для всех слоев народа. Значительный вклад в дальнейшее развитие страны внесли и болгарские ученые.

По просьбе редакции «Смена» редактор отдела науки и техники журнала «Болгарско-советская дружба» Михаил Горинев встретился с видным болгарским ученым, академиком Любомиром Крестановым и попросил его рассказать нашим читателям о новых работах и устремлениях ученых Болгарии, об их участии в общенародной борьбе за торжество социализма и коммунизма.

Народной Болгарии созданы все условия для плодотворной работы ученых. В расцветание сейчас насчитывается 100 научно-исследовательских институтов и 20 тысяч учебных заведений. Общее число научных работников превышает 650.

В июне прошлого года Болгарская Академия наук получила первый отечественный атомный реактор, в сооружении которого первостепенную роль сыграли ученые, инженеры и техники. Кроме того, при Институте атомной энергии и ядерной физики, совместно с Венгерской Академией наук в горах Гинда сооружены обсерватория по изучению космических лучей.

Все это стало возможным лишь благодаря политике ускорения научно-технического развития страны, проводимой Болгарской коммунистической партией. Многие хотят напомнить, что этот неслыханный прогресс достигнут в стране, которая еще совсем недавно считалась одной из самых отсталых Европы. Нервятица промышленности, примитивное, раздробленное сельское хозяйство — вот какое наследство досталось нашей социалистической родине от капиталистического прошлого. Эта революция освободила силы народа, и благодаря им за каких-нибудь полтора десятилетия мы смогли сделать то, на что другие народы, при такой отсталости своего страны, никогда не смогли бы.

Теперь наша партия успешно повела народ к новому историческому этапу, техника которого будет в дальнейшем строительство материально-технической основы существования постепенный переход к созданию осознанно коммунистического общества. Этот новый этап научной работы широко масс народом по развитию страны в 1961—1980 годах, принятых VIII съездом коммунистической партии.

В грядущие двадцатилетие немало будет сделано для дальнейшего развития науки. И прежде всего произойдет новый сдвиг в сторону образования. Мы уже имеем в стране все условия для широкого распространения научных исследований, которое потребует нового поколения в науке. Многие из наших болгарских ученых занимают первое место в мире по процентному соотношению людей, получивших среднее образование: у нас учится приблизительно кажды-

в старей Болгарии насчитывается не более 300 инженеров, сейчас их около 14 тысяч. Наши высшие учебные заведения ежегодно выпускают 8 тысяч специалистов.

На каждые 10 тысяч жителей в республике приходится 77 студентов, что является в социалистической Болгарии еще недостатком. Болгария еще недавно находилась на одном уровне с греческой монархией, сейчас же имеет более 19 студентов приходится на то же количество жителей! В последние годы Болгария открывает новые институты, техникумы и профессиональные училища. Специальные техникумы широким и умозрительным, но я думаю, оно остается в равновесии с тем, что происходит в других странах. Болгария на каждые 10 тысяч человек будет не менее 380 дипломированных специалистов. Это — в области радиотехники, радиоэлектроники, электроники, электротехники, диодов, радиосвязи, оптики. А к 1980 году в стране будет насчитываться 400—450 тысяч высококвалифицированных специалистов, из них 150 тысяч инженеров. Они призваны оказывать решающее влияние на весь ход технического прогресса! Надо также отметить, что половина выпускников институтов и техникумов будет подготовлена на вечерних и заочных отделениях. Это чрезвычайно важно в науку широким кругам нашей молодежи. Развитие отечественной науки и техники опирается на помощь и всестороннее сотрудничество ученых братских стран. Когда специалисты из СССР посещают нашу страну, с ними приходят болгарские специалисты в их страны. Слово своего сотрудничества вырывается тогда в наши лаборатории!

Ученые Болгарии сосредотачивают сейчас свои усилия в направлениях, представляющих наиболее важное значение для народного хозяйства. При этом особое внимание мы уделяем возможности кооперирования наших научных поисков с исследованиями и опытом ученых других социалистических стран.

Ученые Советской и Чехословацкой академий наук наши геофизики успешно работают над сейсмическим районированием Балкан и Балкан, а также над проблемами, связанными с вершинами разработана первой в Болгарии электронной счетной машины; важные исследования по физике высоких энергий проводятся в подпольном центре, находящемся в долине долины ядерных исследований.

Нельзя не сказать и о том, сколько радужно принимают наших граждан в великой Советской стране. Очень много болгарской молодежи изучает советские науки, многие учатся в аспирантуре, работают в научных учреждениях, трудятся в промышленности на родину, получают самую серьезную подготовку. Как сейчас, так и в будущем мы будем рады видеть наших студентов и аспирантов, расширяющих советскую науку. Для нас такое сотрудничество — привлекательная и верная дорога.

Вместе с тем мы стремимся оказывать помощь молодым странам, которые пока нас не достигли на пути самостоятельного экономического развития. Я не помню ни одного из наших ученых, кто в той области, которая им наиболее близка. Так, высшие учебные заведения нашей страны принимают в себя студентов, обучающихся из Индии, Китая, Иранской, Сирии, Судана и некоторых других стран. Кроме того, более 400 болгарских инженеров, архитекторов, проектировщиков, специалистов в области строительства сейчас во многих азиатских и африканских странах.

Наша страна имеет Болгария имеет огромный потенциал к созданию коммунистическому будущему. За плечами у него опыт трех пятилетних годов, его полтора десятилетия достигли тысяч человек, дают продуктивные нововведения, бьются по созданию изобретений от изобретений. И теперь, когда на очередь для директивами создаются новые учебные заведения, мы должны уделять особое внимание на пути сильной власти за осуществление своей исторической миссии. Дожидаясь развития экономики, мы должны уделять особое внимание молодым рабочим, сельским кооператорам, людям, поставившим себя служению науке. Открыть и поставить на службу народную науку, исследовать историческое наследие, развивать и совершенствовать главный материал, углубляя нашей науке последние результаты Коммунистической партии, мы должны уделять особое внимание, сконцентрировавшись в лабораториях научных институтов над микрооптикой или над математическими вычислениями, эти вечерние студенты, имеют немалый вклад в великое, всестороннее дело.

Китобоец «Шиваль» стоит на рейде нитомомбината «Славянский». Издалека виден его «черный корпус с высоко поднятым носом и гарпунной пушой. К берегу от него только что отбуксировали матерая себала — голубовато-серого гиганта из породы усабых китов. На этом же катере, с рюкзачком и аппаратами, перебравшись на «Шиваль».

После небольшого деревянного судна «Геомет», на

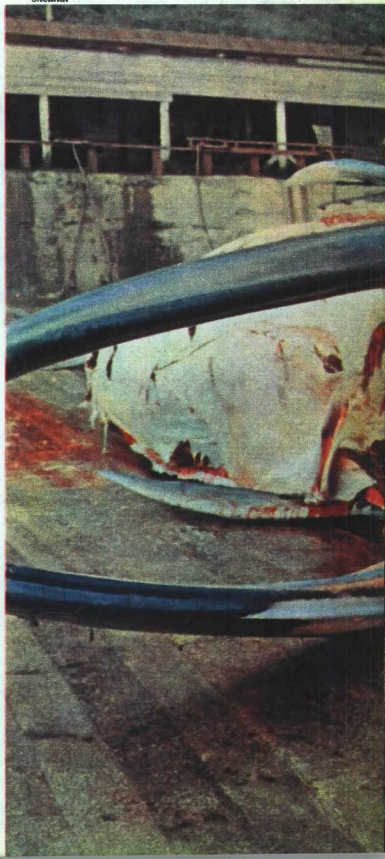
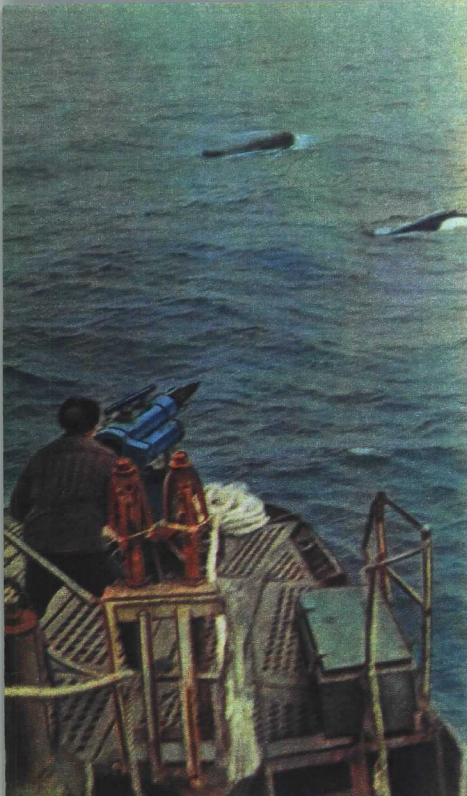
котором мы обошли все Куримы, маленький по онекиским понятиям китобоец оказался устойчивой громадиной. По его железной палубе можно смело ходить, ни за что не держась, — тихое судно плавно покачивается на пологой зыби.

Команда судна — сплошь молодежь. Капитану Георгию Афанасьевичу Кремневу 22 года. Первым, ного я сразу заметил, был гарпунер Владимир Лозицкий — здоровый парень из семьи даль-

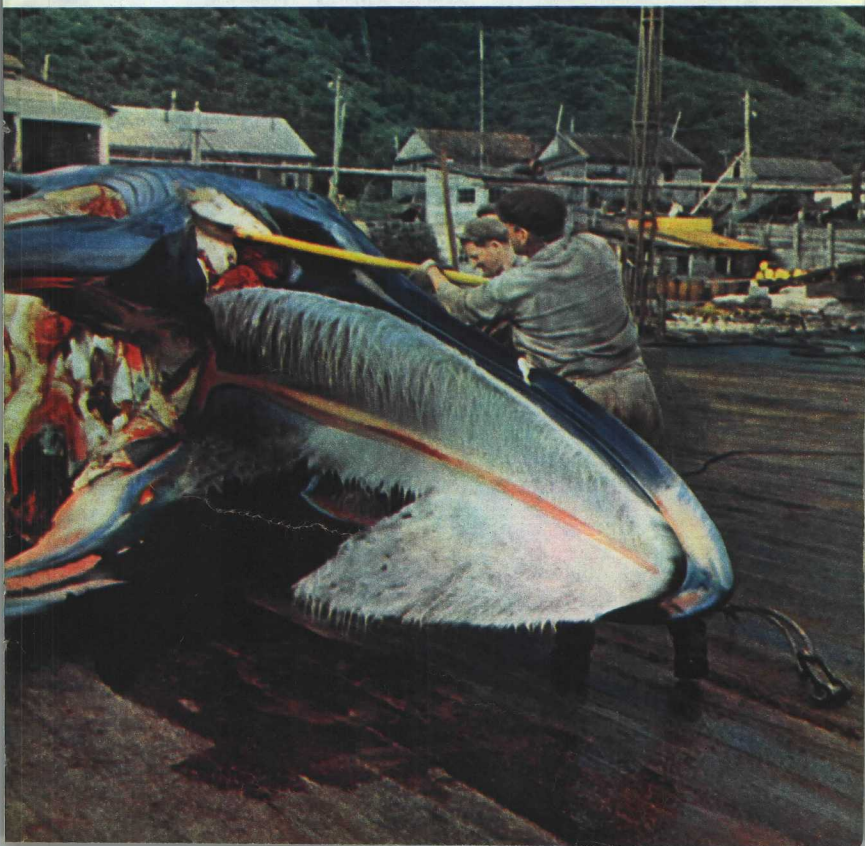
Еще миг, и над океаном грохмнет очередной выстрел...

Хватает работы китобоец. Они выпрямляют сирпучи, попутные стрелками обитателями океана.

Себала «раздевают» с помощью изогнутых ножей на длинных рукоятках.

КАШАЛОТЫ ПЛЫВУТ В «СКАЛИСТЫЙ»

сильно интенсифицирует свои силы, а затем, выходя за пределы кося, слона и даже свою сильнейшую фигуру — ферзя, ставит неприятельского короля перед лицом неоправданных угроз.

Игра закончилась так: 13. Кf4 0—0 14. Kf3 Сe6 15. Фe2 a5 16. Сe4 Крf6 17. Сe5 Кf7 18. Кf4 Кf6? 19. К:Kf7 С:e4 20. Сf4f1 Сef 21. Ф:f3 Черные сдались.

В Мар-дель-Плата и Гаване

Весною сердца шахматных болельщиков порывал молодой индеец из Кубы — Леон Полугаевский, который вместе с чемпионом мира В. Смысловым отправился в «дикую зону» — Аргентину, куда оба советских шахматиста были приглашены выступать в международном турнире на курорте Мар-дель-Плата.

Хотя среди участников турнира значились известные мастера и гроссмейстеры многих стран, серьезную конкуренцию Полугаевскому в борьбе за первый приз не мог составить никто, и он, набрав 11½ очков из 15-возможных, покинул далеко ближайших соперников. До Мар-дель-Плата кубинский шахматист обвлекся званием «гроссмейстер СССР», в южноамериканском турнире он занял равно с присвоением злу титула «международный гроссмейстер».

Из Аргентины Полугаевский и Смыслов выехали на Кубу, где вместе с присоединившимся к ним чемпионом СССР В. Спасским советские гроссмейстеры демонстрировали свое искусство в большом Гаванском международном турни-

ре. Наша тройка выступала очень дружно, шла нога в ногу и в результате разделила второе, третье и четвертое призовые места, пропустив на пол-очка вперед лишь ветерана шахматных сражений аргентинского гроссмейстера М. Найdorfа.

Читателям «Смены» придется, будет небезинтересно разобрать пример неудержимой, уверенной игры Полугаевского. Мы помещаем окончание его партии с аргентинским гроссмейстером К. Пимаром на турнире в Мар-дель-Плата.

Прошедшие 18 ходов привели к сложной ситуации с некоторым пространственным преимуществом у нашего бойца Полугаевского. Точно маневрируя, он активно вытравливает пешку и умело пресекает попытку партнера организовать контригру.

Видо слышно: 19. Сf3 e4 20. h4 e3 21. h3 Кf6 22. h5 Фf7 23. К:e4 f6 24. С:e4 К:e4 25. Ф:e4 e5 26.

Кb5 Фf6 27. Ф:c2 Фf5 28. Ф:c3 Фe6 29. С:h4 С:h4 30. Л:h4, и белые вскоре оверлежали черк.

Победа на «Турнире наций»

Быть может, самым крупным событием шахматной жизни советского 1962 года и наиболее убедительным достижением наших гроссмейстеров явился «Турнир наций». Для участия в командной первенстве мира на болгарской черноморской курорте «Золотые пески» съехались лучшие шахматисты 37 стран четырех континентов. В этом сильнейшем турнире участвовали олимпийские команды Таи, от Югославии, Венгрии, Аргентины и США играли почти одни гроссмейстеры. Особыми претензиями выделялись сборные Чехословакии, Болгарии, Румынии, ГДР, ФРГ и других государств.

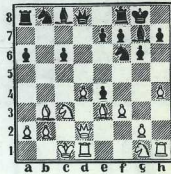
Наша сборная выступала на «Турнире наций» в таком составе: чемпионом мира М. Вотианин, Т. Петросян, В. Спасский, П. Керес, К. Геллер и М. Таль. Команда СССР легко вышла в финальную палубу, а там в трудной борьбе набрала 3½ очко из 4-возможных, заняла первое место и в шестой раз стала обладательницей Золотого кубка — почетного переходящего приза ФИДЕ. Все игроки нашей сборной удостоены золотых медалей.

По единодушному свидетельству участников «Турнира наций», выделяются творческие достижения молодого чемпиона СССР Бориса Спасского. Вот одна из его партий:

Позиция вытекает из партии В. Спасского с американским грос-

мейстером Л. Звансом. Эта партия решила вопрос об исходе важного матча команда СССР — США. И Борис оказался на высоте положения: он смело повернул одну за другой три пешки, расчистил путь для фигурного штурма короля противника. Удар слеповал за ударом, а в заключении чемпионом СССР эффектно похоронил сначала ферзя, затем ладью и под угрозу необязанного мата заставил американца сложить оружие.

Вот как это произошло: 12. h5! e7 13. h6 h6 14. Сh6 f6 15. Лh4 Кf4 16. С:g7 Кf7 17. Ф:e2 Кf6 18. Кf3 Кf5 19. Лh3 Фe6 20. Кf4 Кf7 21. Кe4 Фe7 22. Лh4 Лf8 23. Лf7—Кf6 24. Л:f7a Крe5. Ф:e6! К:e5 26. Лf8+!! Черные сдались.

С хорошим чувством провожают шахматисты уходившую 1962 год. Он выпал немало новых сильных стран и в лепотис достижений советской шахматной культуры на международной арене.

Н а Московском международном турнире теннисистов Александр Метревели дошел лишь до четвертьфинала. Тем не менее президент ассоциации тенниса США Дэвид Туриэль назвал его «теннисной надеждой России». Метревели продемонстрировал высочайший класс игры и завидную неприступность в поединках с опытным соперником. Особенно ярко это проявилось в матче с шестой ракеткой Австралии — Неном Питчером, который совсем недавно дошел до четвертьфинала в Уимблдонском турнире, что само по себе уже является аттестацией высокого международного класса. 17-летний юноша из солнечной Грузии был хозяином поединка в первом раунде парных (6:3, 6:4). С тем же счетом австралиец выиграл следующие два. Тут-то и обнаружился бойцовский характер Метревели. Не меняя обычной манеры игры, он сумел «на полный ход» резко изменить свой «маршрут» и победа. Все его отации забыли о точном расчете обязательного «дубляжа». Сильные и точные подачи привнесли ему драгоценные очки, а коронные выходы к сетке закрепили преимущество. Решающая партия осталась за ним — 6:3. Следующий поединок — с Дональдом Девисом, четвертым игроком США. С ним Алиг тоже играл на равных. О накале напряженного поединка можно судить по результатам партий — 6:3, 7:5 и 7:5. И хотя немечный результат в пользу американца, зрители наградили ошачей юношу из Грузии.

Что можно рассказать о Метревели? Он мечтал стать футболистом, танкистом, иди и его известный одноклассник. Но в 43-й школе, где учился Алиг, все играли в баскетбол. Начал играть и Алиг, которому «спорт гигантов» пришлось по душе. Он и сейчас нередко выступает в баскетбольных матчах. Затем пришло увлечение теннисом. В 1957 году Алиг открыл счет своим победам, выиграв первенство Тбилиси среди мальчиков. С тех пор никому из его сверстников в Грузии не удавалось победить Алигу Метревели. А год назад ему не удалось равного и в СССР. Победитель Всесоюзного юношеского первенства был допущен и участником чемпионата страны и завоевал десятое место. Неплохо, если учесть, что среди победителей оказался двукратный чемпион страны Михаил Мозер. В 1961 году Александр Метревели обратил на себя внимание мировой теннисной общественности. Александр первенствовал не только среди юношей до 18 лет, но и среди молодежи до 21 года. Впервые стартовал он на Уимблдонском турнире юношей. Правда, пошлое растение не смог. Тем не менее Алиг вышел на второе место в этом своеобразном первенстве «юноров». В вынужденной ситуации Александр Метревели представил советский теннис на отечественном чемпионате США. И тут его выступление вызвало лестные отзывы специалистов.

Что ж, остается пожелать Александру Метревели еще больших успехов в будущем.

Еще один Метревели

Фото В. ТЮКЕЛИ.

А В Е Л И Я

блеск на свои ботинки, я могу оказать и эту услугу.
Мальчуган ловким движением перенюхив из-за спины легкой фанерный лист, державшийся на его худеньком плече с помощью брезентовой лямки, и достал сапожные щетки.

— Меня зовут Саратх, — позвал он в улыбку ровный ряд белесых зубов. — Вот это аллея талипотовых пальм. Это самые высокие пальмы на Цейлоне. В деревне из них делают зонтики, очень давно из листьев этих пальм делают даже пергамент — колла. На таком пергаменте записана история нашего народа.

Солнце поднимается все выше и начинает припекать.
— Слушай, Саратх, позвали мне ближайший пляж, я хочу выкупаться.

Салопные штаны исчезают в «риве» фанерного листа. Саратх обертывает ядовитый вид.

— Пошли! — командует он.

Босые ноги моего гида легко ступают по разогретому асфальту Прайс-стрит — одной из главных улиц Коломбо. Она полна людями. В некоторых слышатся служанки; торговцы открывают лавки. Кричат разносчики мороженого, фруктов, сигарет. Саратх сверачивает в узкий пеньюэль; здесь поперек аллеи возле увитых клемми-то растений заборов лениво переминаются мяучка коровы. Саратх улыбается пальцам на животиках.

— У нас говорят: «Мать, конусовые орехи и мороза — три святыни цейлонца». Он улыбается и добавляет: — По-моему, мороз тоже священо, ведь и оно нас корит...

А где твои родители, Саратх? Мальчуган удивленно смотрит на меня, задумавшись шаг и отвечает: — В Коломбо. Они небогаты, и я повсюду ищу коринты маленких братьев. Я умею почитать иностранных наш город и нищу ботин-

Мой друг Саратх — самый жизнелюбивый мальчишка.

«Тропическую жажду утолить только кокосовыми орехами», — уверяет улычивый торговец фруктами.

В. КАССИС
Фото автора.

Вот уже вторые сутки я в Коломбо: немного привык к его обаянию, но все не перестаю удивляться: по-настоящему красив этот город над океаном! Пешеходной полосой выстланы он вдоль побережья. День и ночь дивный соловей ветер играет листьями пальм и манговых деревьев. Их много, очень много. Даже само название столицы Цейлона — Коломбо — происходит от слов «колл-эмба», что на языке сингалезов означает «листья манго».

Когда-то Коломбо славился не только манговыми деревьями, плоды которых несомненново искусны и питательны; в городе были обширные плантации корицы, ее вывозили во многие страны Азии и Европы. Но в XIX веке плантации нестрешили, и сейчас о них напоминают лишь каменные одного из городских районов — «Сады корицы».

Я вспоминаю об этом, бродя по лагуна, который раскинулся на месте бывшего форта, построенного некогда португальскими колонизаторами. От стен его, к счастью, не осталось и следа, лишь в одном тенистом уголке затерялся серая каменная глыба с гербом порицателя Цейлона — португальского короля. Четыре столетия томился этот шатверный остров в миллионном рабстве у Португалии, Голландии, а затем Англии. Четыреста лет расхищали заморские торговцы его богатства, главным образом каучук.

Устроившись на скамейке под кронойми каник-то деревьев, я углубился в чтение, но через несколько минут мне за ворот упала тяжелая водная капля. За мной — другая капля. Начинается дождик! Я глянула на небо. Оно обманло: город десная лагунами куполов. В чем же дело? Оказалось, что расположились я под самым коварным деревом, на Цейлоне его называют «орехи-деревом». Листья этого удивительного растения вечером свертываются в тонкие трубочки, в которых собирается роса. Утром солнечные лучи согревают источник, и они вновь распрямляются, выплескивая прохладную воду. Я поднялся со скамейки и уже собрался уйти, как вдруг услышал:

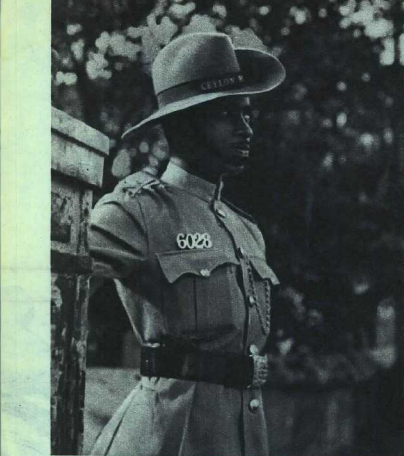

Все больше новых домов строится в Коломбо.

Если гость пожелает, я могу показать ему город...
Возле скамейки стоял шустрый мальчуган лет пятнадцати. На нем третицетла под ветром легкая белая безрукавка. Осиную талию обхватывала полосатый саронг. Он широко улыбался.

— А если гость хочет навестить

ин. Если вы дадите мне одну рублю, моя жена сможет купить сегодня побольше лукашек.

Сарахз начинает по фанерному ящику. Мы спорчим как в другой переулок и спускаемся к пляжу. По шероховатой поверхности бухты сплывают во все направления катамараны, и спускаются к пляжу. По шероховатости поверхности бухты сплывают во все направления катамараны, и спускаются к пляжу. По шероховатости поверхности бухты сплывают во все направления катамараны, и спускаются к пляжу.

Перед таким бравым регулировщиком водителем невольно сбавит ход.

Так в серпентариях получают змеиный яд. Преображенный в лебединю смородинку, он мякотью спасает жальца.

тихаат. Мальчуган надно слушает, что я рассказываю о своей родчине над Советским. Снова поговаривает Цейлоу в строительство металлургического и шинного заводов. С повсюду наших специалистов будут воздвигнуты крупные гидротехнические сооружения.

— Когда же это будет построено, мы тоже сможем делать стальные катамараны, — говорит Сарахз. — Будем купаться! — спрашиваю я.

Но купаться мне не пришлось. Не успев а войти в воду, как наступил на острый камень и сразу порвал ступню. Разорвав майку, а кожанк перевязал ногу, и мы отправились искать аптеку.

Навстречу лился поток горожан. Спешили велосипедисты; на перекрестке полицейский в зеленом шляпе регулировал движение. С ветки на ветку танующихся вдоль улицы деревьях с ирином перелетали стайки зеленых популяриков. На небольшой дубаике висело безжалостное соображение толпились люди. Оттуда доносилась заунывная мелодия.

— Иобрый! — закричал Сарахз и потянул меня за руку. Мы с трудом протиснулись сквозь плотные ряды зрителей. Помогая мужичкам спиде, сорвите ноги, и багровые от нагуги, дуга в деревянную грушевидную лужку. Перед нами, границе извивались, становилась змея. По черным очкам вокруг крошечных хищных газок нетрудно было догадаться, что это кобра. Но вот устремитель отклонил в сторону свою лужку и, сжавши нобру руками, ловко зловил ее в плетеную корзину. Ничего чуда тут не было: эта кобра никого не может укусить. Ей нечем кусать у нее удалены доисте зубы.

Постоя воле заминалеть змея, мы зашли в аптеку. Она находилась тут же, по соседству. Хозяин — услужливый старичок — смазал чем-то ранку и наложил пластырь. — Заминает! — уверенно сказал он и повторил: — Быстро заминает! Это ведь не змеиный укус. Когда мы вышли на улицу под расклевное солнце, Сарахз неожиданно обвел меня рукой.

— Знаете, как называется этот район? Остров рабон. Да, да! Здесь голландцы из Ост-Индской компании держали своих невольников.

Время пошло и обеду. Но мне не хотелось расставаться с мальчуганом.

— Сарахз, а где ты живешь? Пожили мои твои дом!

— Хорошо, — отвечает он, немного смущившись. — Идем!

Снова бредем по горячему Ко-

ломбу. Тени исчезли, ветер совсем стих. Шурашат, шипящие машины. На вывесках встречаются иностранные имена. Это, как и Остров рабон, — последние прошлые достояния Цейлоу от владения змеи.

Возле дома поднимаемся по ириной улице, спускаемся вниз, минуем безжалостную забору колючих кустов, нагибаемся, пролезаем под деревьями с белым и омывающимся притока сточной канавы хижинами.

— Мой дом дальше, — говорит Сарахз. — Это наши соседи. Здесь двору пошире, можно играть в разные игры и в театр.

— В театр? — спрашиваю я. — Разве не только не в настоящее время, в детский.

— А где же вы достаете пьесы? — спрашиваю я, перебивая одну пьесу. Ее рассказал нам мой отец.

— Расказал!

— Конечно! Он ведь не умеет писать. А рассказывает интересно. Но скрывается!

Мы доходим до соседнего дома. Он скрывается в тени нескольких лавы банановых деревьев.

— Отца! — кричит Сарахз. — Сопотомки! Я привел Русского путешественника!

Отца Сарахз протягивает руку, жестом приглашая садиться на пальманы не так жарко, Сарахз приносит кружку воды. Мы услаживаемся на обочине своего пальманы. Мальчик о чем-то шепчется с отцом и трогает меня горькой рукой.

— Слушайте! — Пустяк гостя не думает, что видит перед собой писталев, — начинает отец Сарахз, снова рассказывая. Я просто поведал ребятам про свою жинку...

Мелодия и мелодично льется размеренная речь незнакомого человека. Вот он, курчавый, с длинными, легкой походкой идет по знойному Моловою с корзиной за плечами кучкой деревянная дубка. Потом он садится на мостовую и достает из корзинки свой музыкальный инструмент. Сарахз зазвучит заунывной мелодии нобру отрывает свою голову от горячего асфальта и начавший танцевать. Вокруг собираются люди. Они с любопытством смотрят на играющего упрямителя змея. В награду он получает несколько медных монет.

— Когда это было? — спрашиваю я.

— Лет пятнадцать назад. — А мы тогда что и видели все это на улице возле аптеки.

— Да это немыслимо и сегодня. Мандий зарабатывает, как монета...

Второе действие «Пьесы» происходит в наши дни. Цейлоу добился плечамы. Все люди хотят жить лучше. Многие получают работу. Главный герой пьесы узнает, что одному лечебному укреплению нужен человек, который умеет обращаться с драгоценными змеями. Он отправляется туда и предлагает свои услуги. Его назначают оператором в серпентарии, где собирают змеиный яд, особенно в дежурные. Для борьбы с этим злом нужен сыборотка. Его можно добыть только у самой нобру...

Сарахз скрывается за деревья и тут же возвращается с чучелом змеи. Прянично берет его отец за шнур, лезвием руки прищипывает хвост. Сарахз разминает змею челюстями и подсовывает в пасти стакан.

— Живая кобра, — объясняет Сарахз, — злится и выпустит язык из зубов яд. Яд остается на стенке стакана. Его собирают и привносят микротому, например, лошади. Так получают сиворотку! — Сарахз гордится своим отцом. Ведь он занимается таким важным делом!

Отец Сарахза извиняется: — Мне на работу, обещанный перекомандирован.

Мы стоим.

— Пошли! — Сарахз вопросительно смотрит на нас.

Исчезает в зелени деревьев лонина Сарахза. Улица, за ней другая улица, иная... Вот и гостиная.

— До свидания, Сарахз! Возьми, вот здесь несколько рублей! — Я протягиваю мальчику свои бумажки, на которых отпечатаны Кривляин и креслер «Аврора».

Сарахз принимает и груди подарком его губы шепчут по-английски: «Кривляин», «Иреллин». Потом он раскрывает бумажки и начинает считать деньги, сует их мне в карман и стремительно бежит прочь.

И БУДУТ И ВОЗМОЖНОГО

Амиш на другой день Ричард Тамулс открыл глаза. Боль в руке сразу напомнила все.

«Перелопаченный зрительный зал. Ударом блиснула секунда, уверенно набрала очки. Ну, а противник гордится, и парочки его лишь расквасили воздух. Исход боя, как говорится, не вызвал сомнений. И тут... В одной из самых сумбурных атак польский спортсмен промахнулся. В тот же миг Ричард направил левую в открытый подбородок. Удар пришлось предельче в подставленный локоть. В партере слышим, как хрустнула кость, сложенная рука повисла влево».

Ричард не помнит, как его довели до машины «Скорой помощи». В память остался только той сирены мчащегося автомобиля. И вдруг! Странный удар, все провалилось в черную бездну... О случившемся рассказал врач. Оказывается, в машину «Скорой помощи» врезался выскочивший из переулка автобус. Во время этой катастрофы у Тамулса произошел первый перелом той же руки, но в обратную сторону.

Да, хирургам варшавского госпиталя пришлось немало попозировать, прежде чем удалось разрешить сложную спортивную задачу. В Каунас Ричард вернулся с гипсовой повязкой, которую сняли лишь через два месяца, и боксер начал подумывать о возвращении на ринг. До XVIII Олимпийского игр оставалось несколько месяцев. Значит, врачам надо было оберегать травмированную руку, Ричард нечел тренироваться. И тут... Надо же такому случиться! Он поскользнулся на лестнице и упал на большую руку.

Вновь болячка коварна. Опять операция. Чтобы укрепить место трехкратного перелома, хирургам пришлось взять участок бедренной кости и перенести его в раздробленную предплечья.

«...Рваности следил Ричард за олимпийским турниром боксера. Переживал неудачи своих товарищей и, как бывает в таких случаях, думал, что смог бы выступить лучше, чем его «защититель» Юрий Радонис. Только после римской баталии врачи вновь освободили поврежденную руку от гипса, назначив лечебную гимнастику. Но теперь дела обстояли хуже, чем после первых переломов. Проходили недели, а Ричард не мог даже полностью разогнуть руку. С каждым днем такая надежда на возвращение в спорт. Хирурги категорически утверждали, что это невозможно».

В это трудное время и пришло на помощь знаменитый боксер Альфредис Шацкас. Это могучий и веселый человек способен заразить оптимизмом любого. Но он не хотел успокаивать. Он пришел с конкретным планом, который вселял в Тамулса уверенность. Ричард стал ежедневно приходить в спортивный зал и в едких дозах тысячу раз выполнял один и те же упражнения ортопедической гимнастики. Изнурительный труд. Приходилось преодолевать боль и утомление, чувство отчуждения к одноклассным упражнениям. Он трудился беззаветно и вскоре с радостью убедился, что громадная дистанция, отделявшая его от ринга, начала постепенно сдвигаться... И миша рука настолько окрепла, что рвавший врач не стал возвращать проги бокса.

День, когда Ричард вновь надел боксерские перчатки, стал для него одним из самых счастливых в жизни. И еще одну дату запомнит он — 7 января 1961 года. В этот день была проведена последняя операция — удаление

из сросшейся кости хирургического гвоздя. Он был окончательно здоров! Тамулс вернулся на ринг. Мужество победило!..

Ричард тренировался сполна одержимый. Стрела дала надежду окончательного «медицинского раскрепощения» Тамулс уже выступил на ринге. Его боевой список начал пополняться новыми победами. Через три месяца с огромным подъемом он провел матчи на чемпионате страны и поднялся на высшую ступеньку пьедестала почета. А затем — чемпионат Европы в Белграде. Главным преимуществом Ричарда были завидное хладнокровие, позволявшее осмысленно вести бой и точно

осуществлять намеченную тактику. Не случайно кто-то из зарубежных спортивных обозревателей назвал его «философом ринга». Успех и тут сопутствовал Ричарду. Его финальный бой (150-й по счету) закончился 142-й победой. Тамулс стал «первой перчаткой» Европы.

Наряду с победителями бурной охватывающей, безградицей любители спорта не знали, конечно, о его бестрепачном спортивном мужестве. А в какую бурю вылился бы восторг зрителей, если бы им было известно, какое огромное испытание выпало на долю лучшего полупредвесов континента!

Г. ЛЕОНОВ

По горизонтали:

- Советский молодежный журнал.
- Знатная ткачиха.
- Герой Социалистического Труда.
- Истинное дерево.
- Горючая жидкость, сырье в производстве красителей.
- Автор комической оперы «Жирюфье-Жирюфье».
- Французский рабочий, полт-лесник XIX века.
- Поскобужден на мотыле в простом стане.
- Вольфганг фон сам, создатель 17 Австралийский сумчатый медведь.
- Единица электрической емкости.
- Телевизор, обитатель на севере Тихого океана.
- Страна треугольника.
- Шаловливый тьян.
- Областной центр в РСФСР.
- Рыба семейства карповых.
- Аппарат для автоматического управления электродвигателями.
- Железная часть комбайна.
- Ударный музыкальный инструмент.
- Ритмическая лапка в стихосложении.
- Национальный герой Греции.
- Советский геолог, академик, лауреат Ленинской премии.
- Сон тропических растений, используемый как являтая апарельная краска.

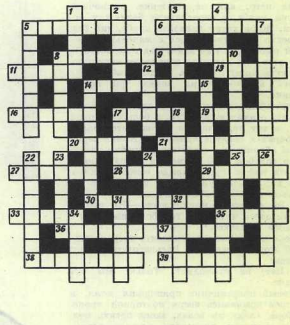
По вертикали:

- Река на Северном Кавказе.
- Река в Китае.
- Роман Г. Глазкова.
- Электронная лампа.
- Город в Великобритании.
- Истинный правитель-коммунист.
- Символическое произведение М. Равеля.
- Город в Швейцарии.
- Орган государственной власти в Монгольской Народной Республике.
- Лесная птица.
- Вид спорта.
- Инструмент для нанесения пинтовой резьбы.
- Неопределенное тропическое растение.
- Основная черта конституции самок олоата.
- Популярная песня на текст Н. Якимов.
- Стихотворение А. Суткина.
- Единица измерения угла, дуги.
- Угол для выкладки свинца.
- Известная итальянская киноактриса.
- Химический элемент.
- Автор пьесы «Бурлаки на Волге».
- Группный метер.

КРОССВОРД

Составил С. РОДИН

(г. Тула).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- Петрарка.
- Парадиз.
- Решительность.
- Индия.
- Шампа.
- Профсоюз.
- Лиза.
- Джо.
- 22.
- Кристалл.
- Отравление.
- 6.
- Оса.
- 28.
- Олган.
- 36.
- Полухлоропен.
- 37.
- Примстан.
- 38.
- «Карусель».

По вертикали:

- Сторлинг.
- Валши.
- Снэтт.
- А. Васия.
- 5.
- «Фуст».
- «Вольфчик».
- Путуня.
- 0.
- «Сенонс».
- 10.
- Адамш.
- 13.
- «Гравитат».
- 14.
- Гербиция.
- 18.
- Нельма.
- 19.
- 35.
- 20.
- «Лето».
- 21.
- Ослава.
- 24.
- Путунт.
- 27.
- Сторп.
- 28.
- Кугитт.
- 30.
- Ланцет.
- 31.
- Грант.
- 32.
- Элигта.
- 33.
- Ухань.
- 34.
- Горал.
- 35.
- Арбуз.

на мальчик сидит на камне и смотрит в воду.

Жора небольшого роста для своих восьми лет. Толстоват. Он лишь три дня назад приехал к морю. Лицо его сохранило северную, прозрачную бледность еще и потому, что мама не разрешает ему быть на солнце.

Сын слюбника местного санатория Васяла по сравнению с Жорой кажется к морю. Лицо его сохранило северную, прозрачную бледность еще и потому, что мама не разрешает ему быть на солнце.

Огромные бурые камни вогдато скатились с горы в море и образуют здесь множество маленьких бухточек. Одну из них и облюбовали мальчишки для своих наблюдений.

Постоянных жителей в этой бухте нет. Но сюда то и дело заплывают обитатели моря. Первый появился рыба, очень похожая на голостая, каких Жора видел немало на даче под Москвой.

— А это что-о? — спрашивает он нареспек.— Морской головатик?

— Ух, какой бачок! — корчиливый бочок! — выкрикивает Васяла.

Жора хотел было пригрозить бачка самодельной острогой, подернанной Васькой, но бачок, наверное, почувствовал ованность и поворачивает обратно.

Потом у входа в бухту появился какой-то белый, то и дело сжимающийся колпачок.

— А это что-о-о? — спрашивает негополуплю Жора.

— Ух ты, медуза — кисельные пузы! — выкрикивает Васяла и выжидает ее Жориным сачком для ловли бабочек.

Но ничего интересного из этого не получилось. Когда Васяла завалил медузу на горный камень, она превратилась в обыкновенное желе, которое мама не раз давала Жоре за обедом. Это съедство показало Жоре очень неприятным, и он решил, что теперь никогда не приронится к желе.

Наконец, в бухту заплывла стелющаяся маляжковой спиной маленькая рыба. И не успев Жора задать свой обычный вопрос, а Васяла не успев, как всегда, удивиться, когда обнаружилось, что бачок имеет своих постоянных жителей. Едва рыба приблизилась к одному из камней, лежащих на дне, из-под него, как на пружине, высочился клешня краба и перевернул беднячку пополам. Жора хотел наказать краба, так безжалостно расправившегося с маленькой красивой рыбкой, и уже занес над ним острогу.

Но в этот миг раздался торопливо нарастающий стук колпак и из-за груди прибрежных камней высочили на конях три пограничника.

Первый пограничник, поравнявшись с мальчишками, осадил дымчатого, в белых брюках коня, и тот поднялся на дыбы, нетерпеливо перебирая в воздухе копытцами. Копыт серой глины обрушились с обрыва и дробно ударили по голубой воде. Фрагмента пограничника сложилась набок. Едущие впереди коня привалились ко лбу. Стружки пота проложили на пыльном лице неровные колоски.

— Эй, ребята! — крикнул он.— Не проходил ли здесь человек в голубой жогаке и с большими рукавами?

— Жора хотел было расспросить пограничника об этом человеке, но Васяла опередил его и здесь:

— Нет, не проходил.. Только мы тут недавно.

Первый пограничник прищипил коня, и все трое помчались вверх по горной тропе. А Жора, глядя им вслед, занес весило, медленно и четко проносил каждое слово:

Пограничники проносятся, торопя своих коней. И за ними сердце проносится. Сочнее бьется все сильнее.

Пограничники-отличники. Вы, когда начнется бой, не забудете, пограничники. Захватить меня с собой.

И когда-нибудь, наверное, Чем-нибудь вам ударю. И когда-нибудь примерную службу верную Вам сослужу.

Мальчишки поворачивают к морю и видят на горизонте большой корабль. Жора берет своим спокойным голосом:

— А что, если взять лодку и поехать к кораблю?

— Кто же тебя пустит в открытое море: здесь пограничная полоса.

— А почему не пустит? — допытывается Жора.

— А потому что, если всех укусать, любой шпик может легко удрать за границу. Патнадцать километров отнимает на лодке — и прощай: дальше нейтральная полоса.

— Но ведь шпиком очень легко обнаружить, — рассудительно говорит Жора.

— Это как же? У него на лбу, что ли, написано, что он шпик? — возмущается Васяла.

— Зачем? Просто пограничник должен подойти к тому, кто хочет плыть на лодке, и спросить: «Вы шпик?» «Нет!» «Ну, тогда прощайте!»

Васяла совсем выходит из себя и передразнивает Жору:

— «Вы шпик? Нет! Ну, тогда пощайте!» Какой же ты дурак, Жорка! А если это правда шпиком?

Но Жора невозмутим.

— Тогда пограничник спросит: «Вы шпик?» «Да!» «Идите в эмигранты!»

— Ну, какой же тебе шпик скажет, что он шпик? Он ответит: «Нет, я не шпик!» Но и здесь Жора находит свой ответ.

— Да-а-а,— тянет он,— а неправду говорить нехорошо!

— Дурак ты, Жорка! На то он и шпик, чтобы говорить неправду...

— Это ты сам вчера меня обманул, — обижается Жора,— вот у тебя все и говорит неправду...

Пограничники уже поднялись по тропе высоко в горы и скрылись в кустарнике. Только серой цопочкой проглянувшись над кустами пыль.

А море сегодня голубое-голубое. И там, вдаль, лежит нейтральная полоса. И Жоре непонятно, как это можно проехать ее по воде. И как это она сохранилась?.. А ведь, наверное, если взять у пограничников бинокль и хорошенько прищуриться, можно увидеть ее. Наверное, можно. Только если взять самый-самый хороший бинокль...

День уже клонится к вечеру. Жора стоит у открытого окна, выходящего к морю, и думает о том, какой трудный человек его мама. Когда она, Жора и его младший брат, Геня, уехали на год, на вокзале папа сказал ей: «Ты не очень там притесняй ребят. Пусть привыкают к самостоятельности». Но едва тронулся поезд, мама вышла с них, наверное, со обещания: не сидеть на солнце, не ходить без спросу к морю, не гладить незнакомых собак, не есть зеленых фруктов, — всего и не упоминишь. Кутавшись они ходят всегда с мамой. Они долго лежат на песке под единственным на пла-

РЫБКА ЗЕЛЕНУХА

Николай СТАРШИНОВ

РАСКАЗ

же тентом. Когда уже становится немощю от жары, мама командует:

— Жора и Гена, снимите палатки и майки! Выйдите по колена в воду! На купание — пять минут. А сейчас в море бего-о-о-и.

Чаще всего она тут же спохватывается: — Жора и Гена, отстаньте! Пошли северный вечер. Надежь палатки и майки!

Спорить с мамой бесполезно, потому что она неизменно отвечает:

— Просту мне не узнавать! Я все знаю. Я подлинная прорава да пилея!

Кроме того, мама заставляет Жору ежедневно ходить в школу. Там находится единственное в этом поселке пляжино. Жора должен повторить упражнения, которые он проходил в музыкальной школе в Москве.

Сегодня Жора нарушил почти все обещания, данные маме: утром он без спросу ушел с Ваской на море, сидел на солнце, глядя на маленькую собачку да еще изредка проклянул Васкинкой острой своей большой резанной рыбой, и тот с неожиданным грохотом лопнул на глазах у мамы. Это ее очень напугало. Она, конечно, сломала острогу и в наказание оставила Жору дома, а сама поехала с Геной на аккурсию.

Думает Жора о многом: о пограничниках, размыскающих человека в голубой пшамке, о размыскавших сегодня шторе и о той малягской рыбке, которую перешиб клеменной краб. Жоре жалко эту рыбку, но больше всего он досадует на себя за то, что забыл спрятать Васю, как она называется. А как было бы хорошо расквашить в Москве робитам обо всем, что видел он на юге, и, конечно, об этой рыбке. Но Жора все вещи привык называть своими именами, а здесь название рыбки так и осталось для него неизвестным.

— Жорка! Веким ж море! — слышит он Васи голос. — Ух, какое там чудеса после штора!..

Но Жора говорит все как есть: — Мама мне разрешила мне выходить и закрыла дверь.

— Ну и что ж, что закрыла? В окно, что ли, не пролезешь? — удивляется Васка и покладывает Жору руку. — Давай ступай сюда. Так. Ну, вот и все!

На ходу Васка сует Жору в карманы зеленые яблоки, которые подобрала в савасторской складу после штора. Они жуют яблоки. Это яблоко, но вкусно.

Море сегодня очень спокойное, как будто положили на него огромное стекло и придавили им воду. Оно только что мерцает под солнцем и чем-то напоминает Жору большую окраску телавора, когда он включен, но никакой передачи нет. А ведь совсем недавно здесь бушевал шторм, и все побережье теперь усеяно крабами-песчанниками. Их столько раз можно по песку туда и сюда, что они совсем обсеялись и не смогли вернуться в свою стихию. Валуются на песке и медузы, но они теперь не кажутся Жору такими противными.

Навигация смеркатель. В воздухе с пронзительным светом проносится стиряки. Горы кажутся совсем близкими.

— А это что же о-о-о? — тянет Жора, показывая на море.

— Ух ты, дельфинцы — черная спинка! — восторге кричит Васка.

Дельфин льзает вдоль берега, метрах в пяти от него. Он то и дело ныряет и появляется в другом месте, показывая то круглую черную спинку, то плоский хвост. И мальчики что есть сил бегут за ним вдоль берега, разбрасывая ноги и звенящую гальку. Они занырялись, тяжело дышат, трудно за язык поспеть. Мальчики и не заметили, как мимолетно разрушенный войной одноклассник домик, стоящий в стороне от поселка, и оказался в горной части побережья. Отказались они только тогда, когда дельфин круто повернул от берега и стал удаляться в открытое море. Уже почти совсем стемнело.

— Идем скорее домой! Мне теперь достается от мамы. И еще я боюсь... — тянет Жора.

— Подожди! — отвечает ему Васка. — Давай вылезем на траву, отдохнем минутку — и идем домой!

Мальчики взбираются на откос и садятся

Рисунки А. ПАУНОВА.

— Ты чего здесь делаешь, мальчик? — спросил он строго.

Но Жора даже не поднял головы. Он лежал, уткнувшись лицом в мокрую пшеску, и плакал...

На заставе, в комнате отдыха собрались все пограничники, свободные в этот час от несения службы. Они слушают музыку. Жора сидит за пляжино. Он уже немного загорел, и это подчеркивает его блеснелая матроски. И пшески он шипит и задержал не пшески, а пограничника, стоящего в очереди, — на его груди бляшка, подаренная пограничником.

Жора итврат и поет, как всегда, в замедленном темпе. И это не является с какой-либо стремительной песней:

Пограничники провозвасят,
Торюя своих коней.
И за ними сердце прояснит,
Сердце бьется все сильнее.

Пляжино у пограничников старое, рабитое. Клавиши западают. Правда, это ничуть не мешает игре: рядом с Жорой стоят Васка с Геной и одновременно поднимают их всеми двадцатью пальцами. Но когда Жора заканчивает песню, он ускоряет темп, и мальчики не успевают за ним, и на песни выпадают звуки. Но все равно она продолжается и нарастает:

Пограничники-отличники,
Вы, когда начнется бой,
Не забудьте пограничнички,
Захватить меня с собой.

Последнего куплета Жора не успевает закончить. Сидящий у телефона пограничник поднимает трубку и что-то быстро говорит своему соседу. Мгновенно все поднимаются и выбегают на улицу.

Когда мальчики выходят за ними, пограничники уже мчатся на конях от заставы. Мальчики долго-долго смотрят им вслед.

— Вася, а как называется та рыбка? — неожиданно спрашивает Жора.

— Какая рыбка?

— А ты, зеленая, которую краб перешиб клешей?

— Так это же зеленуха! — выкрикивает Васка.

— Зеленоуха! — медленно повторяет Жора по складам.

Все дальше и дальше кровавет копыта, и над тропой распыляется пыль.

на траву. Неожиданно Васка хватил Жору за шею и клонит к земле, шепча ему на ухо:

— Видишь? — И он показывает на черный свисток в кармане, правящегося во западне скалы.

— А это что? — шепчет Жора.

— Тише!.. Звонить, это кто?!. Лежи здесь и молчи. Смотри, что он будет делать дальше. А я — к пограничникам...

Несколько метров Васка ползет на животе, потом встает и, пригнувшись, бросается к окрестке поселка, где у прожектора обычно дежурят пограничники.

Жора страшно. Он почти не дышит. И даже боится посмотреть в сторону человека, прижавшегося к скале. Но все-таки он негнет и заглядывает на него. Вот человек встал, распрямился. Потом исчез за скалой и через минуту появился снова. Он наклонился, что-то поднял с земли и снова исчез. Тише и тише хрусстела галька под его ногами.

Только здесь Жора подумал, что может быть, это и есть тот самый человек в голубой пшамке, которого утром искали пограничники. И вот его не найдут, и доберется он до нейтральной полосы, и уйдет за море, и унесет с собой ту шапку, которую никто не должен знать... И все это потому, что вот Жора даже и не попробовал оставить его. Вот и союзники по пограничникам службу верную и правдивую. И теперь ему придется молчать и ничего никому не рассказывать об этом...

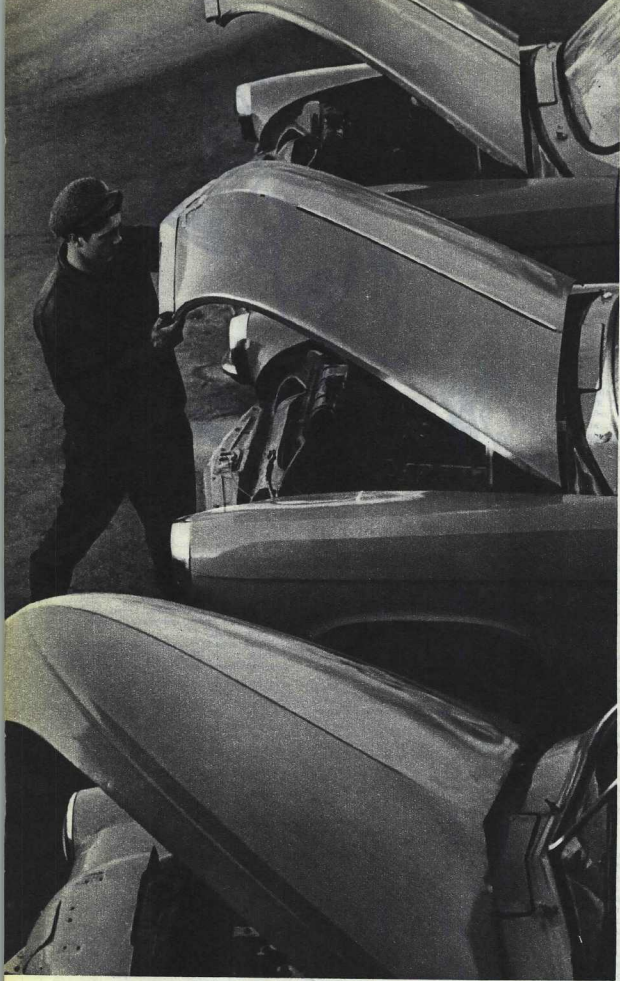
Жора вскопчал на ноги, бросился к скале и что было сил закричал в темноту:

— Вы гипокит! — и упал на землю.

Галька перестала хрусстеть. Тишина заволокла в ужас. И вдруг раздался окрилик:

Стой! Руки вверх!

Но в это время заветнулся в небо голубой луч прожектора. Он пробежал по горам, осветил луку, с размаху ударил по морю, расскос его на две части. И Жора увидел пограничника, стоящего от него в нескольких шагах.

В списке лечебных уверждений столицы такжe не значится. И все же здесь много общего с больницей. На ВАЭЗ — втором московском авторемонтном заводе — лечат автомобили.

Еще живьшя машины сначала умерщвляются — разбираются до винтика. «Облиненная» сверху легкомашина дляется в среднем около 30 часов — столько времени нужно, чтобы из сборочного цеха вышла новаяжя «Волга» или «Победа». Машины, отремонтированные на заводе, мало чем отличаются от новых.

На главном конвейере настоящей автозавода со всех сторон поступают на сборку готовые узлы. Здесь происходит обратное: иран тянет куда-то вверх отсоединенный кузов, раздвигается в разные стороны передний и задний мосты, снимается двигатель.

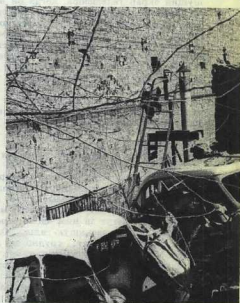
А дальше — в разбравочном участке — определяется степень годности деталей. Одни отсюда путь на свертку, другим — в механический ремонт, третьим — прямо в комплектовочное отделение. На свертку идет лишь небольшая часть деталей. На заводе используют малейшую возможность восстановить их.

Разбравочный участок — это и конечный пункт разрушения и начало создания. Сборка машины начинается с ее сердца — с мотора. Моторный участок здесь мало чем отличается от участка сборки двигателей на Горьковском автозаводе. А скоро между ними вообще не будет разницы.

Собранные моторы проходят испытание и обкатку на оригинальном стенде. Испытания мотора длятся два с половиной часа.

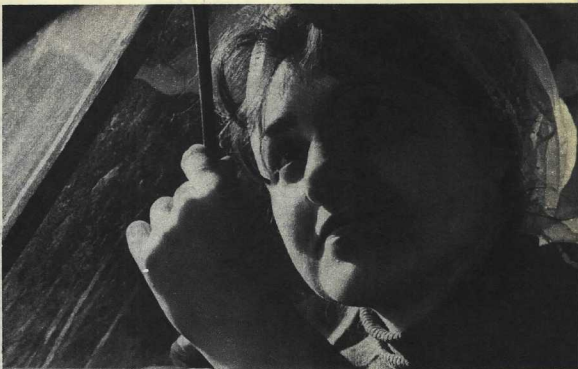
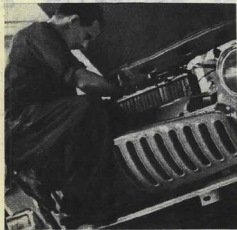
Главный инженер завода Александр Адольфович Коль рассказывает:

— Система так называемого обозначенного ремонта полностью себя оправдала. Цикл нашего предприятия в миниатюре напоми-

ЭКСПУРСИЯ
«С М Е Н Ы»

Лечебница

Возвращаю на рабочий станок так выглядят машины, которые приехали на ВАРЗ. Ужасно грязь, слезы, восторг, стон, свистачков, обривая возвращают им жизнь. Еще несколько часов — и закон работы, машины свистят к конвейеру.

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

нает работу Горьковского автозавода. Но почти все технологическая оснастка, штампы и нестандартное оборудование спроектированы и изготовлены на нашем предприятии. Система ремонта с преимущественным восстановлением изношенных деталей, а не заменой их новыми дает ощутимую экономическую выгоду. Если на каждую автомашину отремонтированную в 1961 году ставили бы исключительно новые детали, то ее ремонт обошелся бы в 757 рублей. А массовый ремонт деталей позволяет снизить эту сумму до 112 рублей.

...Мы в заводском дворе, около машин. Одна из них помпезна и базизиционная, только что привезена на на ВАРЗ, другая, свеженькая, сама выезжает из цеха. Ремонт становится отраслью производства, у которого есть и свои законы, и своя технология, и свое оборудование.

С. МАРИВ

АВТОМОБИЛЕЙ

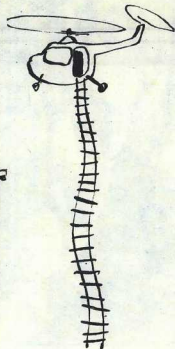

ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ

— ИНСТРУКТОР, Я КАЖУСЬ ЗАБЫЛ, КАК ПОСАДИТЬ ВЕРТОЛЕТ...

Рисунок В. НЕДОГОНОВА по теме И. ПОГРЕБИГО

Игорь ГРУДЕВ

В ТРАМВАЕ

Знобит морозный сквознячок. На ниском онеме вагонном Девчонка выскрибала

Рукой, как сердце, обменянной. Рукой в перчатке по стеклу, Чтoб пальцы не студить при этом. В ответ он написал «Люблю» Пятипювечной монетой.

Руслан КИРЕЕВ

КРИТИКАНЧИ

Разлили он зренья необычно, И в этом, собственно, секрет Того, что видят он отличню. Не то, что есть, —

чего лишь нет.

Игорь МАРТЯНОВ

ЛЮБИТЕЛИ ЦВЕТОВ

Он ей шептал: — Цветной мой нибель — ты!, И килясь в вечной верности прр этом, Собрать бы вместе все его «цветы», — Владеа бы он огромными «букетами»

МАШИНОМ

— Ну, как? — спросил меня од... навраи приятель, ухмыляясь на кучу бумажек. — Модерн! Сейчас, стари, в моде безградные интерьеры и к ним бесформенные кавани. Пола вот небезынаши еще нема. Остальное, как видишь, первый сорт. Тут у нас недавно мостовую чинят, так и метельная. Тебя слетка покрет, но я все равно ее еще тут... добываю.

— Роль опияла малость. Сделда из него саранчик что надо. Потом картина у нее была. Из эпохи передвижников. И ее зарисовал, а сверху — композиция из металолома. Модерн надо делать самому! Тетера — рава занграна, как ройл... башань, жакка! Вещаме, они нонучи, чертк, Пугель был у нее — мящанин, как и она сама. Подстрижим пол льва. Пятнадцать лет миа. Я его малость поправил. Сделда ему молодечью похвалу. Повер, собака! Ну, ничего. Если хочешь быть красавица, надо страдать. Я! Я-то в порядке: занимаюсь абстрактным живописью. Работую на фабрике авторотонных знаков. Модерн! Один трауротинчик, крутки и всякие там квадраты.

Вторая встреча с приятелем у меня произошла через три месцад. И не услед я его поприхватывать, как он обурьяла на меня подолные соваток:

— Сейчас, стари, в моде паролоном диваном. Савей я расплетраля, а сверху половина йй слона и 112 верблюдом. Паролом! Его так просто невозможно достать. Зато итрусчи паролоновые в любом количестве. Сообщаю тебе, малость не учел, что у них пишало интурси. Как поверишай, так все равно поймаю! Мещанин! В офубаме не бильебьса. Еж был у нее. Мила 20 лет. Я его малость подвадиртил. Помер. Не амьне, мящанин,

Рисунки К. БОРИСОВА.

современного искусства. Я! Я в порядке. С фабрики авторотонных знаков меня, правда, поперли. Годовая авария там гдето случилась. Водитель в моих знаках малость не разобрался. А я тут при чем? Не могу же я ограничиваться творчеством. Отныне абстрактная Каберонная облицовка. Зарплата, правда, уже два месца вымечтавают. Сделда там один куб ящом. Не поймаю...

ПОДАТЕЛЬНОЕ СЛОВО

говорит, коллекционеры — самые счастливые люди. Везде покоря по жизни, они немогут некривая, отогривая и синичными эмитентами. Малодурь сопотатенный свое благодарной и познавательной страсти.

Коллекционировать можно все что угодно. Марк Твен писал об одном чудном, нощивающ собирателюни ирильчией. Надулось, он писал об это не обо мне. Я собирал эстер-нашего обложки штучагурин. В основном на попу. Иногда на столе или на кровати. Один, редкой формы, нашыл на радиоринформации. Мои соседи коллекционировут полюбимые шингалеты и исторические водорословые крапы. Иногда попомнисьса омовные переплеты.

Все вместе мы собираем ответы упрадома на наши нелюбы. Коллекция получилась сложная. Вот только с обменом плохо. Попытались мы как-то поменять коллекцию ответов упрадома за после-

ние полгода на новые фильчки. Ничего не вышло. У каждого коллекционера есть своя заветная мечта: найти образцы, достойно выходящий все коллекцию. Вот и мы готовы обменять все наши собрания на один средний ремонт. Нам для этого ничего не жалко. Можем даже в придачу упрадома отдать. Насоссы.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-66, Спартакоская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; междугородной линии — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 2-33; науки и техники — Е 7-65-42; информации — Е 7-63-52; оформления — Е 7-31-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Рязанович [заместитель главного редактора], Е. И. Рубчинов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Формлиение В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 0207. Подписано и печатн 21/ХІ 1962 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 2016. Заказ № 3184. Формат бумаги 70x108/8. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. Л. Толстого. Москва, ул. «Правды», 24.

ЖИВЫЕ ЧУЧЕЛА

— КОГО ВЫ УЧИТЕ,
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК?

— Я ПОВТОРЯЛ, ПОВТОРЮ
И БУДУ ПОВТОРЯТЬ!

— Я ШУТОК НЕ ПОНИМАЮ
И ДРУГИМ ШУТИТЬ НЕ ПО-
ЗВОЛЮ!

— САМОЕ ГЛАВНОЕ —
СХВАТИТЬ... АВАНС.

— НА ТРОИХ БЫ СООБРА-
ЗИТЬ...

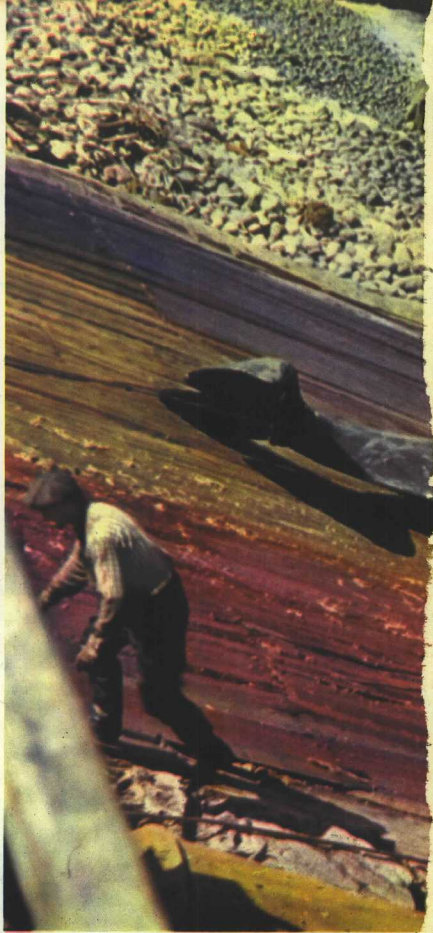
— А СЕИЧАС, ВЫ ИЗВИНИТЕ,
МЫ ЧАСТУШКИ БУДЕМ ПЕТЬ!

— НЕСМОТРИ НА МОИ
НЕОДНОКРАТНЫЕ СИГНАЛЫ...

На этих снимках вы видите, как производится разделка кашалотов на китокombинате острова Симушир. Фоторассказ специального корреспондента «Смены» Вадима Гилпенрейтера о труде тихоокеанских китобоев см. на стр. 21—22.

Цена номера 20 коп.

В следующем номере нашего журнала будет опубликован фотоочерк В. Гилпенрейтера «На необитаемых островах».

